

Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук
Кафедра психологии

СБОРНИК СТАТЕЙ
НАУЧНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРУЖКА

ПЛОЩАДКА ДИАЛОГОВ

МИНСК
2019

УДК 159.9.07
П 399

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук БГУ
26 марта 2019 г., протокол № 9

Редакционная коллегия:
А. С. Солодухо (отв. ред.), Г. А. Фофанова (отв. ред.)

Рецензенты:
кандидат исторических наук, доцент И. В. Олюнина;
кандидат психологических наук, доцент Ю. С. Смирнова

Площадка диалогов : сб. ст. научного психологического кружка «Площадка диалогов» / БГУ, Фак. философии и социальных наук, Каф. психологии ; [редкол.: А. С. Солодухо, Г. А. Фофанова (отв. ред.)]. – Минск : БГУ, 2019. – 88 с. : табл. – Библиогр. в конце ст.

В сборник вошли статьи студентов, магистрантов и аспирантов кафедры психологии БГУ, являющихся членами научного психологического кружка «Площадка диалогов». В сборнике представлены результаты исследований в области психологии труда и организационной психологии, социальной и медицинской психологии, возрастных особенностей личности, а также практические решения в сфере социальной психологии. Содержание статей может быть полезным в научно-исследовательской, образовательной и практической деятельности психологов и специалистов смежных областей. Все материалы представлены в авторской редакции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Борисенко, Е.М. Особенности удовлетворенности трудом медицинских сотрудников, работающих в государственных и частных медицинских организациях...	5
Лепешко, К.В. Ситуационный анализ реакций социально- сравнительной ревности.....	10
Лозовский, А.В. Ролевое поведение участников интернет- коммуникации с точки зрения гиперперсональной модели коммуникации.....	26
Мойсейчук, М.И. Характеристика понятия и основные факторы самооценки здоровья.....	38
Слука, В.О. Эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности и профессиональная мотивация водителей-экспедиторов с различным стажем работы.....	47
Соколович, Е.В., Астрейко, Н.С. Феномен перфекционизма в межличностных отношениях.....	58
Татарко, К.И. Возрастные особенности представителей средней и поздней взрослости.....	65
Цюхай, Е.И. К вопросу о взаимосвязи экзистенции и эмоционального выгорания педагогов.....	73
Шутова, Е.В. Взаимосвязь рабочей мотивации и удовлетворенности трудом программистов.....	81

CONTENTS

Borisenko, E.M. Features of satisfaction with the labor of medical employees of workers in state and private medical organizations.....	5
Lepeshko, K.V. Situational analysis of social-comparison jealousy reaction.....	10
Lazouski, A.V. Role behavior of the users of internet-communication from the perspective of hyperpersonal communication model	26
Moiseichuk, M.I. Characteristic of the concept and main factors of the self-rated health.....	38
Sluka, V.O. Emotional intelligence uncertainty tolerance of driver-forwarders with different working period	47
Sokolovich, E.A., Astreyko, N.S. The phenomenon of perfectionism in interpersonal relations	58
Tatarko, K.I. Age features at representatives of middle and late adulthood.....	65
Tsukhay, E.I. To the question on the relationship of existence and emotional burnout of teachers.....	73
Shutova, E.V. The relationship of work motivation and job satisfaction of programmers.....	81

УДК 159.9.075

**ОСОБЕННОСТИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ
МЕДИЦИНСКИХ СОТРУДНИКОВ РАБОТАЮЩИХ В
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Е.М. Борисенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация: Рассматривается актуальность изучения удовлетворенности трудом медицинских сотрудников. Представлены результаты пилотажного исследования особенностей удовлетворенности трудом медицинских работников государственных и частных медицинских организаций. Даны рекомендации по повышению удовлетворенности трудом сотрудников в частных и государственных медицинских учреждениях.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом, медицинские сотрудники, медицинские ошибки, текучесть кадров, профессиональное выгорание.

На сегодняшний день всё больше внимания уделяется удовлетворенности трудом сотрудников. Интерес к данному феномену обусловлен тем, что удовлетворенность трудом тесно связана с лояльностью сотрудников организации, их желанием прилагать максимум усилий в ее интересах, разделять ее ценности и цели [2]. В свою очередь, в сфере медицинского обслуживания неудовлетворенность трудом среди сотрудников повышает риск возникновения медицинских ошибок, последствия которых отражаются на здоровье и качестве жизни пациентов [5]. Также при низкой удовлетворенности трудом заметно снижается сервисная составляющая лечения, что особенно значимо для частных медицинских организаций. Кроме того, неудовлетворенность сотрудников своим трудом может провоцировать текучесть кадров, что негативно отражается как на образе организации, так и на ее функционировании.

При изучении удовлетворенности трудом сотрудников медицинских организаций важно принимать во внимание, в каких условиях работает организация, что с высокой вероятностью зависит от формы собственности учреждения: государственная она или частная. Основной целью государственного сектора является производство общественного блага за счет собранных налогов, тогда как деятельность частного сектора

направлена на получение максимальной прибыли [1]. Что в свою очередь обуславливает различия в условиях труда, техническом оснащении, оплате труда, а так же требованиях предъявляемых к медицинскому персоналу.

Изучение особенностей удовлетворенности трудом медицинских работников необходимо для определения тех аспектов деятельности которыми не удовлетворены сотрудники и проведения своевременных действий по их устранению. Поддержание удовлетворенности трудом сотрудников на высоком уровне позволит предотвратить текучесть кадров, снизить риски профессионального выгорания среди сотрудников, а так же снизить риски возникновения медицинских ошибок. Так же, для частных организаций это возможность повышения сервисной составляющей работы персонала, что непосредственно отражается на прибыли организации.

В сфере медицинского обслуживания государственных и частных организаций существуют различия в условиях труда сотрудников, которые отражаются в оплате труда, режиме труда и отдыха, количестве пациентов, уровне медицинского оборудования. Исходя из чего, в рамках исследования была выдвинута гипотеза о том, что существуют различия в удовлетворенности трудом медицинских сотрудников работающих в государственных и частных медицинских организациях.

Цель исследования: выявить особенности удовлетворенности трудом медицинских работников. Теоретико-методологическими основаниями эмпирического исследования является модель интегративной удовлетворенности трудом А.В. Батаршева, позволяющая изучить не только общую удовлетворенность трудом, а также удовлетворенность её отдельными составляющими: интерес к работе, достижения в работе, взаимоотношения с сотрудниками, взаимоотношения с руководством, уровень притязаний в профессиональной деятельности, предпочтение выполняемой работы высокому заработку, удовлетворенность условиями труда, профессиональная ответственность. В качестве методики использовался опросник «Интегративной удовлетворенности трудом» А.В. Батаршева.

В рамках пилотажного исследования была опрошена выборка из 61 работника медицинских учреждений города Минска. Из которых 33 респондентов работают в государственных организациях, 28 - в частных. Средний возраст респондентов – 32 года. Трудовой стаж медицинских работников варьировал от 1 года до 22 лет.

Результаты исследования и их интерпретация. Средний уровень общей удовлетворенности трудом для медицинских сотрудников

государственных учреждений составил 65% и 71% для сотрудников частных медицинских учреждений. Данные показатели свидетельствуют о высоком уровне удовлетворенности своим трудом медицинских сотрудников. Однако, статистическая обработка показала, что существуют статистически значимые различия ($p < 0,05$) среди работников частных и государственных организаций по таким показателям как: интерес к работе, удовлетворенность взаимоотношениями с руководством, предпочтение выполняемой работы высокому заработку.

Интерес к работе отражает как непосредственный интерес к выполняемой деятельности, так и возможность узнавать новое, получение удовольствия от процесса работы. Сотрудники частных медицинских организаций в большей степени удовлетворены данным аспектом своей трудовой деятельности, нежели сотрудники государственных медицинских организаций. Стоит отметить, что в частных медицинских организациях прием пациентов осуществляется только по предварительной записи. Что ограничивает количество пациентов, и предотвращает возможность переработок для сотрудников, это в свою очередь имеет положительное отражение на режиме труда и отдыха работников. Также сотрудники частных медицинских организаций имеют больше возможностей для повышения квалификации, поскольку частные медицинские организации заинтересованы в повышении квалификации своих специалистов (это положительно влияет на имидж организации и повышает доверие к ней) и всячески этому способствуют [3]. Это может объяснять различия в показателях «интерес к работе» среди сотрудников частных и государственных медицинских организаций.

Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством показывает, как оценивается частота поощрений и оценка работы от руководства, а также понимание со стороны руководства. Сотрудники государственных организаций в большей степени удовлетворены взаимоотношениями с руководителем, чем сотрудники работающие в частных организациях. Данные различия могут быть объяснены особенностями организационной структуры (совокупность подразделений организации и их взаимосвязей, в рамках которой между подразделениями распределяются управленческие задачи, определяются полномочия и ответственность руководителей и должностных лиц [4]) рассматриваемых учреждений. В государственных организациях руководящий состав представлен заведующими отделений, заместителями главврача и главврачом. В то время как в частных медицинских организациях данные позиции отсутствуют, руководство

представлено такими позициями как: директор, начальник отдела кадров, начальник юридической службы, заместитель директора по медицинской части. Таким образом, руководящий состав государственных учреждений всегда представлен лицами, имеющими высшее медицинское образование, которые совмещают управленческие функции с оказанием медицинской помощи. Вероятно, выполнение схожих обязанностей руководством и медицинским персоналом, способствует повышению удовлетворенности взаимоотношениями с руководством. В данном случае руководство в большей степени осведомлено об особенностях и специфике работы своих подчиненных и, как следствие, имеет больше информации для оценки и поощрения работы сотрудников.

Предпочтение выполняемой работы высокому заработку отражает готовность сотрудника сменить место работы, при возможности получения более высокого заработка. Медицинские работники государственных организаций в большей степени склонны сменить место своей работы, нежели сотрудники частных медицинских учреждений. Данные различия могут быть объяснены уровнем заработной платы, который в частных медицинских организациях выше, чем в государственных. Полученные результаты свидетельствуют о риске текучести кадров среди сотрудников государственных медицинских учреждений.

Проведенное пилотажное исследование показало:

1) Средний уровень общей удовлетворенность трудом для медицинских сотрудников частных и государственных организаций находится на высоком уровне (71% и 65% соответственно).

2) Имеются статистически значимые различия среди медицинских сотрудников частных и государственных организаций по таким составляющим удовлетворённости трудом как: интерес к работе, удовлетворенность взаимоотношениями с руководством, предпочтение выполняемой работы высокому заработку.

3) В государственных медицинских организациях показатели удовлетворенности интересом к работе и предпочтение выполняемой работы высокому заработку, могут свидетельствовать о профессиональном выгорании сотрудников и риске текучести кадров. Что в свою очередь указывает на необходимость изменений в распределении нагрузки, объеме выполняемой работы, режиме труда и отдыха, оплате труда. Так же стоит отметить высокий уровень удовлетворенности взаимоотношениями с руководством, что может в некоторой степени компенсировать удовлетворенность показателями описанными ранее.

4) Повышение удовлетворенности трудом среди сотрудников частных медицинских организаций возможно за счет повышения показателей удовлетворенности взаимоотношениями с руководством. Для изложения рекомендаций по повышению удовлетворенности взаимоотношениями с руководством необходимо более детальное изучение специфики общения между руководством и медицинскими сотрудниками частных медицинских организаций.

Библиографические ссылки

1. Костикова, А.Ю. Теоретические основы мотивации медицинского персонала / А.Ю. Костикова // Российский психологический журнал. – 2015. – № 6. – С. 70-81.
2. Семенов, Д.С. Взаимосвязь удовлетворенности трудом и смысложизненных ориентаций у врачей и среднего медицинского персонала / Д.С. Семенов // Педагогическое образование в России. – 2014. – №9. – С. 212-217.
3. Черкасов, С.Н. Оценка значимости мотивационных установок к труду у участковых медицинских сестер / С.Н. Черкасов // Сестринское дело (научный выпуск). – 2010. – №7. – С.20-24.
4. Филонович, С.Р. Сравнительный анализ организационной структуры государственных и частных структур/ С.Р. Филонович // Теория и практика управления: новые подходы. – 2010. – Вып. 3. – С. 15–27
5. Pouliakas, K. Differences in the job satisfaction of high-paid and low-paid workers across europe / K. Pouliakas, I. Theodossioy // International Labour Review. – 2014. – Vol. 149, #1. – P. 1 – 29.

FEATURES OF SATISFACTION WITH THE LABOR OF MEDICAL EMPLOYEES OF WORKERS IN THE STATE AND PRIVATE MEDICAL ORGANIZATIONS

E.M. Borisenko

Belarusian State University, Nezavisimosti Avenue, 4, Minsk, 220030, Belarus

Summary. The relevance of the study of satisfaction with the work of medical staff is considered. The results of a pilot study of the features of job satisfaction of medical workers of state and private medical organizations are presented. Recommendations were made to increase employee satisfaction in private and public medical institutions.

Keywords: job satisfaction, medical staff, medical errors, staff turnover, professional burnout.

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ РЕАКЦИЙ СОЦИАЛЬНО-СРАВНИТЕЛЬНОЙ РЕВНОСТИ

К. В. Лепешко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация: Рассматривается концепция феномена социально-сравнительной ревности как трехкомпонентного аттитюда. Представлены результаты эмпирического исследования феномена ревности социального сравнения. Проанализированы основные реакции социально-сравнительной ревности.

Ключевые слова: аттитюд, ревность, социально-сравнительная ревность, реакции социально-сравнительной ревности.

Социальное сравнение является одним из основных процессов социального познания, а также фундаментальным психологическим механизмом, влияющим на суждения, переживания и поведения. Социальное сравнение может приводить к различным последствиям [1; 2; 3; 4]. Ряд исследований демонстрируют положительные последствия социального сравнения (мотивация к изменениям, стремление быть лучше, и т.д.), так и негативные последствия (негодование, деградация индивида) [3; 4; 5; 6; 7]. В частности, сравнение себя с другими индивидами, может приводить к пониманию несоответствия и как следствие этого возникновение конкуренции за определенные качества, способности или атрибуты. Кроме того сравнение себя с другими индивидами, может восприниматься как угроза самооценке, тем самым обуславливая появление такого явления как социально-сравнительная ревность.

На основании анализа литературы была операционализирована трактовка феномена социально-сравнительной ревности как аттитюда, включающего когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты [8; 9]. Согласно такому пониманию социально-сравнительной ревности, она возникает при условии высокой значимости ситуации социального сравнения и характеризуется совокупностью связанных между собой мыслей о незаслуженности, несправедливости, неправильности и необъективности существующих преимуществ другого индивида, комплекса переживаний негативных эмоций (прежде всего волнения, печали, гнева, отвращения, презрения) и готовности к действиям,

направленным на совладение со сложившейся ситуацией с помощью стратегий самосовершенствования, уравнивания или уклонения.

Анализ литературы указывает на фрагментарность исследований в этом направлении. Также их результаты не позволяют составить представление о феномене социально–сравнительной ревности как о целостной структуре, включающей когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Научная неразработанность целого ряда вопросов, связанных с изучением феномена социально–сравнительной ревности, в частности отсутствие эмпирического подтверждения трёхкомпонентной структуры данного феномена потребовало проведения направленного исследования с целью выявления наиболее высоких оценок когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на ситуации социально-сравнительной ревности.

Методы. В исследовании принимало участие 195 респондентов в возрасте от 18 до 45 лет. В качестве инструментария исследования была использована «Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности» [10]. Ситуации провокации социально-сравнительной ревности представляли собой утверждения, касающиеся сравнения с «Другим», который превосходит актора относительно каких-либо атрибутов, способностей или качеств, тем самым провоцируя конкуренцию и возникновение социально–сравнительной ревности (Табл. 1). Статистическая обработка производилась с помощью программы SPSS 13.0 for Windows. Для проведения ситуационного анализа наиболее высоких оценок когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на ситуации провокации социально–сравнительной ревности использовалась описательная статистика (подсчёт средних).

Таблица 1

Ситуации провокации социально–сравнительной ревности

Ситуации	
1.	Кто-то красивее, чем Вы.
2.	Кто-то имеет более впечатляющие результаты, чем Вы.
3.	Кто-то лучше выглядит, чем Вы.
4.	Кто-то более общителен и уверен в себе, чем Вы.
5.	Кто-то реализует свои потенциальные возможности лучше, чем Вы.
6.	Кто-то имеет фигуру лучше, чем у Вас.
7.	Кто-то более популярен, чем Вы.
8.	Кто-то выглядит более счастливым, чем Вы.
9.	Кто-то является более обеспеченным, чем Вы.
10.	Кто-то менее умный, чем Вы, получает более высокие оценки.

11.	Вы делаете ту же самую работу, что и кто-то и при этом получаете меньше, чем он или она.
12.	Кто-то занимает высокое положение благодаря деньгам родителей или их высокому статусу.
13.	Кто-то покупает себе что-то, что Вы хотели, но не можете позволить себе купить.
14.	Кто-то более умный, чем Вы.
15.	Кто-то более талантливый, чем Вы.
16.	Вы должны учиться (работать), в то время как Ваш одноклассник (коллега) празднично проводит время.
17.	Кто-то добивается каких-то результатов через манипуляции, в то время как Вы старательно работаете для этого.
18.	Кто-то получает работу, которую Вы хотели получить.

Ситуационный анализ когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций социально-сравнительной ревности позволил обнаружить следующие **результаты**.

В когнитивных реакциях на ситуации провокации социально-сравнительной ревности *наиболее значимыми* отмечались соответственно ситуации 18, 11, 5, 17, 4 и 10; *наиболее заслуженными* – 2, 14, 5, 6, 15; *наиболее справедливыми* – 2, 5, 14, 15, 4; *наиболее правильными* – 15, 14, 8, 5, 2 и *наиболее объективными* – 1, 2, 14, 3, 4, 6 и 9 (Табл. 2).

Ситуация 10, 11, 17 и 18 имеет непосредственное отношение к работе, учебе и связанными с ней денежными или другими вознаграждениями, а ситуации 4, 5 относятся к обладанию такими психологическими характеристиками, как общительность и уверенность, реализованность способностей.

Таблица 2

Ситуационный анализ наиболее высоких когнитивных реакций социально-сравнительной ревности

Ситуации	СРЕДНЕЕ				
	ЗНС	ЗАС	СПР	ПР	ОБ
1	0,28	0,42	0,59	0,49	0,72
2	0,44	0,77	0,75	0,58	0,70
3	0,30	0,59	0,58	0,52	0,65
4	0,47	0,59	0,64	0,56	0,65
5	0,56	0,70	0,69	0,59	0,64
6	0,34	0,67	0,63	0,49	0,67
7	0,27	0,60	0,58	0,52	0,62

8	0,30	0,55	0,62	0,59	0,59
9	0,29	0,50	0,47	0,44	0,65
10	0,47	0,16	0,17	0,18	0,32
11	0,59	0,10	0,09	0,10	0,25
12	0,31	0,12	0,12	0,13	0,38
13	0,28	0,52	0,48	0,41	0,62
14	0,42	0,73	0,69	0,61	0,68
15	0,42	0,66	0,66	0,62	0,64
16	0,36	0,23	0,19	0,22	0,45
17	0,50	0,13	0,11	0,15	0,36
18	0,59	0,53	0,38	0,35	0,55

Можно предположить, что значимость ситуаций 10, 11, 17 и 18 обусловлена ценностными различиями респондентов в отношении к таким атрибутам, как работа (учеба) и справедливое вознаграждение. Также можно предположить, что такие психологические характеристики как общительность, уверенность, и умение реализовывать свои возможности – являются ценностями, относящимися к Я–концепции.

Исследования Р. Salovey, J. Rodin [11] и М. Mikulincer [12] показывают, что чаще всего люди сравнивают себя с другими в тех областях, которые являются значимыми для них и ценными.

А. Tesser [13] в своей теории сохранения позитивной самооценки утверждал, что люди стремятся поддержать позитивную Я–концепцию. В тех случаях, когда индивиды сравнивают себя с «превосходящими другими» в областях, относящихся к Я -концепции, то они чувствуют угрозу самооценке, в результате чего, возникает ряд негативных эмоций. У каждого индивида существуют некоторые области, которые относятся к Я–концепции и определяют её [13].

Следует обратить внимание, что такие ситуации как 2, 5, 14, 15 которые относятся к реализации имеющихся способностей индивида и к обладанию определёнными талантами, способностями и качествами, оценивались в качестве наиболее заслуженных, справедливых и правильных. Вероятно, данные ситуации респонденты оценили как самые заслуженные, справедливые и правильные, поскольку восприятие этих ситуаций основывается на том, что обладание такими характеристиками как ум, талант, способности, общительность, реализованность – можно

достичь честным и порядочным способом, опираясь на собственные усилия, используя свои потенциальные ресурсы.

Напротив, ситуации 11, 12 и 18 расценивались как самые несправедливые, незаслуженные и неправильные, так как обладание какими-либо атрибутами в этих ситуациях осуществляется нечестными, непоощряемыми способами, а также теми способами, которые, вероятно, противоречат нормам морали в данной культуре [14].

Так, R.H. Smith [14] отмечал, что оскорбительные сравнения будут часто создавать субъективное ощущение, что преимущество другого индивида несправедливо и незаслуженно. Исходя из этого, можно предположить, что ситуации 2, 4, 5, 14, 15 для респондентов не являются оскорбительными и субъективно такими не воспринимаются, не угрожают Я-концепции, а, следовательно, расцениваются как позитивные. Также, R.H. Smith [14] указывал, что если существуют объективные стандарты несправедливости, незаслуженности (мораль, традиции в определенных культурах), то попадая в схожие ситуации, индивид будет испытывать негодование и обиду.

В своем исследовании E. Pila и коллеги [15] установили, что в случае, если ситуации воспринимаются как несправедливые и незаслуженные, то индивид переживает зависть. Исходя из этого, логично предположить, что ситуации, которые респонденты оценили как заслуженные, справедливые и правильные не вызывают у них зависти, а, следовательно, имея высокий уровень воспринимаемого контроля, могут мотивировать к действиям, направленным на достижение того же, чем обладает конкурент [14; 15].

Ситуации 1, 3 и 6 оцененные как наиболее объективные, относятся к физическому компоненту мишени сравнения, ситуации 4 и 14 – к психологическим характеристикам, которыми обладает конкурент и ситуации 2 и 9 – к социальной реализованности и материальному преимуществу конкурента.

Согласно справочной литературе, объективность трактуется как независимость от воли и возможностей субъекта, непредвзятость, беспристрастность [16; 17]

Таким образом, можно предположить, что вышеперечисленные ситуации респонденты воспринимали беспристрастно, как независимые от их опыта и отношения к ним.

В эмоциональных реакциях на ситуации провокации социально-сравнительной ревности также были выявлены существенные различия.

Как отмечает Е.П. Ильин [18], эмоциогенными становятся только те ситуации, которые оцениваются человеком как значимые.

Как показали результаты исследования, к таким значимым ситуациям, чаще всего вызывающим эмоцию волнения, соответственно, относились ситуации 2, 5, 4, 18, 1, 11; эмоцию радости – 8, 15, 14, 2, 4, 1; эмоцию удивления – 10, 11, 2, 18, 17; эмоцию печали – 18, 11, 5 и 2; эмоцию гнева – 11, 17, 10, 16 и 18; эмоцию отвращения и презрения – 17, 12, 10, 11 и 16, эмоцию страха – 5, 4, 18, 3, 1, 14, 15; эмоцию стыда – 14, 5, 6, 2, 4 и 15 и эмоцию вины – 5, 14, 6, 18 и 2 (Табл. 3).

Таблица 3

Ситуационный анализ наиболее высоких эмоциональных реакций социально-сравнительной ревности

Ситуации	СРЕДНЕЕ									
	ВОЛ	РАД	УДИ В	ПЕ Ч	ГН ЕВ	ОТВ Р	ПР ЕЗ	СТР АХ	СТЫ Д	ВИН А
1	0,38	0,29	0,14	0,36	0,07	0,04	0,10	0,09	0,12	0,09
2	0,50	0,35	0,34	0,45	0,14	0,04	0,10	0,08	0,24	0,20
3	0,36	0,28	0,17	0,35	0,09	0,06	0,06	0,09	0,16	0,15
4	0,42	0,29	0,24	0,25	0,09	0,05	0,06	0,15	0,19	0,11
5	0,48	0,25	0,19	0,45	0,16	0,05	0,05	0,16	0,28	0,28
6	0,27	0,24	0,13	0,43	0,10	0,05	0,08	0,07	0,26	0,24
7	0,25	0,27	0,14	0,24	0,05	0,05	0,09	0,05	0,06	0,08
8	0,17	0,58	0,19	0,18	0,04	0,05	0,05	0,06	0,05	0,07
9	0,18	0,22	0,14	0,34	0,13	0,08	0,14	0,07	0,12	0,11
10	0,36	0,06	0,49	0,36	0,47	0,26	0,36	0,07	0,13	0,10
11	0,38	0,03	0,48	0,54	0,55	0,24	0,36	0,08	0,10	0,11
12	0,17	0,04	0,21	0,31	0,32	0,33	0,42	0,04	0,06	0,04
13	0,19	0,15	0,14	0,52	0,11	0,02	0,07	0,05	0,12	0,11
14	0,37	0,38	0,17	0,33	0,06	0,02	0,05	0,09	0,31	0,26
15	0,35	0,45	0,18	0,30	0,05	0,05	0,07	0,09	0,19	0,17
16	0,21	0,10	0,17	0,38	0,33	0,19	0,32	0,05	0,05	0,06
17	0,25	0,05	0,26	0,42	0,49	0,46	0,46	0,06	0,06	0,08
18	0,41	0,11	0,29	0,59	0,33	0,13	0,18	0,11	0,11	0,23

Как отмечается эмоция *волнения*, с одной стороны, мотивирует обучение, развитие навыков и умений, творческие стремления, повышает

внимание, увлеченность объектом интереса [19], а с другой – отражает состояние беспокойства или ситуативной тревожности [18]. Для респондентов переживание данной эмоции были вызваны ситуациями, относящиеся в основном к физическим данным (1), к реализации своих возможностей и способностей (2, 5), к обладанию желаемыми психологическими характеристиками (4) и к обладанию желаемой работой (11, 18).

Данные результаты можно объяснить тем, что ситуации 4, 5, 11 и 18 были ранее оценены респондентами как значимые, т.е. как соответствующие их ценностям и относящиеся к Я–концепции, таким образом, проигрыш в этих ситуациях конкуренту, вызывают ощущения угрозы самооценке и ощущения беспокойства, тревоги. Данную точку зрения поддерживают ряд исследований [3; 4; 7; 13].

Ситуации 1 и 2 не расценивались респондентами как наиболее значимые, однако, эти ситуации вызвали эмоцию волнения. Это можно объяснить тем, что ситуация 1 имеет отношение к физическим характеристикам, по которым очень часто, по мнению E.Pila и коллег [15] индивиды сравнивают себя друг с другом. Социальная окружающая среда обеспечивает для этого много возможностей [15]. В её исследованиях было установлено, что ситуации, связанные с физическими данными были значимыми для мужчин и женщин, и при проигрыше в этих ситуациях конкуренту, возникали эмоции зависти, обиды и тревоги [15]. В связи с этим можно предполагать, что физический компонент является очень важным в социальном сравнении, который может вызвать, при определенных условиях ряд эмоций, в том числе волнение, заинтересованность.

Ситуация 2 вызвала данную эмоцию, возможно, потому что респонденты имели низкий уровень воспринятого контроля над этой ситуацией, т.е. последствия ситуации могли восприниматься как недостижимыми в будущем, или же проигрыш в этой ситуации приписывался внутренним причинам, а не внешним. В.Р. Buunk и S.E. Taylor [2] подтверждают эту точку зрения: люди, которые знают, о наличии ресурсов, чтобы достигнуть более высокого уровня относительно конкурента или избежать неудачу, не чувствуют тревогу или угрозу в ситуациях восходящих сравнений. В исследовании М. Milkucer [12] приписывание неудачи в работе внутренним, устойчивым (стабильным) причинам вызывало у индивидов большую ревность, тревогу по сравнению с теми, кто приписывал неудачу внешним причинам.

Одной из детерминант эмоции *радости*, по мнению К. Изарда [20], может быть редукция напряжения. Для респондентов эмоция радости была вызвана ситуациями, относящиеся к физическим данным (1), к социальному компоненту цели сравнения (2, 8), к обладанию желаемых психологических характеристик (4, 14, 15). Вышеизложенные результаты можно объяснить следующим образом:

1. Возникновение эмоции радости при восходящих сравнениях возможна по причине не значимости атрибутов и самой ситуации сравнения, т.е. цель сравнения не является областью, относящейся к Я-концепции индивида и другой индивид с которым себя сравнивает респондент, не воспринимается как конкурент [2; 3; 4; 5; 6; 7; 11; 21].

2. Восходящие сравнения могут вызывать радость, когда они свидетельствуют об успехе другом в области, значимой для индивида, но только если у индивида существует высокий уровень воспринятого контроля над ситуацией, т.е. возможность стать лучше или таким же, как конкурент относительно атрибутов или области сравнения [2; 21].

3. Также, восходящие сравнения могли вызвать радость, поскольку целью сравнения для респондентов было стремление стать лучше, самосовершенствоваться, таким образом, сделанное сравнение могло мотивировать их [3].

К. Изард утверждал, что внешняя причина *удивления* – неожиданное событие, неожиданный стимул, а также введение в заблуждение, испуг или обида [20]. Так эмоция удивления у респондентов была вызвана ситуациями, относящимися к социальному компоненту цели сравнения (2), и к незаслуженному вознаграждению за определенную работу, учебу (10, 11, 17, 18).

Таким образом, можно предположить, что ситуации 10, 11, 17, 18 вызвали эмоцию удивления, поскольку возникает когнитивный диссонанс, т.к. данные ситуации респондентами когнитивно оценивались как самые незаслуженные, несправедливые и неправильные, то есть они считали преимущество другого индивида в этих ситуациях неожиданным [18].

Эмоция *печали* у респондентов была вызвана ситуациями, имеющие отношение к социальному компоненту цели сравнения (2, 13), к реализации своих возможностей (5) и к незаслуженному вознаграждению за работу и учебу (11, 18).

Можно предположить, что эмоция печали на ситуации 5, 11 и 18 вызвана значимостью этих ситуаций для респондентов, как было отмечено ранее. Ряд исследований показывают, что когда область сравнения важна для

индивида и «Другой» воспринимается как конкурент, восходящие сравнения угрожают самооценке, впоследствии приносят печаль, боль и страдания.

Причиной возникновения печали на ситуации 2 и 13 может быть использование внутренней каузальной атрибуции респондентами, т.е. объяснение неуспеха с помощью личных качеств, а не ситуации, а также восприятие неуспеха как стабильного и не поддающегося изменениям в будущем. Данную точку зрения поддерживаю ряд исследований [7; 12].

Причиной *гнева*, по мнению К. Изарда [20] является фрустрационная ситуация, т.е. наличие препятствия на пути достижения цели, которое является началом выражения неудовольствия и агрессии. Препятствием может служить собственная неспособность или же другой индивид [20].

Так, респонденты отнесли к таким ситуациям незаслуженное вознаграждение за работу и учебу (10, 11, 16, 17), а также наличие у конкурента работы, которая является желаемой (18).

Можно объяснить возникновение гнева на эти ситуации тем, что они были восприняты респондентами как фрустрирующие, в качестве препятствия для достижения результатов, которых добился другой индивид [20]. Также причиной появления эмоции гнева могла служить когнитивная оценка этих ситуаций [18], данные ситуации респонденты оценивали как незаслуженные, несправедливые и неправильные. Данную точку зрения поддерживает Н.Смит [14], который утверждает, что возмущение и гнев возникает, когда обладание чем-то оценивается как несправедливое и незаслуженное.

Отвращение и презрение – возникают при неприятном стимуле и восприятии ситуации как опасной [20]. Кроме того отмечается, что при отвращении появляется желание избавиться от кого-либо или чего-либо, в частности, а причиной презрения может служить готовность к встрече с опасным, неприятным, ничтожным объектом [19].

Так, респонденты оценили ситуации, относящиеся к незаслуженному вознаграждению за работу и учебу (10, 11, 16), а также к незаслуженному социальному положению (17, 12) как неприятные и опасные для себя.

Полученные результаты, можно объяснить тем, что, возможно ранее, данные ситуации были оценены респондентами как значимые, т.е. являющиеся важными для Я-концепции, более того как незаслуженные, несправедливые и неправильные. Иными словами, проигрыш конкуренту в важной области мог вызвать ощущение незаслуженного проигрыша и угрозу самоуважению. Как показывают ряд исследований, чувство угрозы самоуважению и оценки ситуации как незаслуженной, является триггером

таких эмоций как возмущение, недовольство, презрение, отвращение, гнев и агрессии [7; 14; 22].

Причиной *страха*, по мнению К. Изарда [20] является – действия других, угрожающие самооценке, неудача, а также ситуациях реальной или воображаемой опасности, сопровождающиеся сильной неуверенностью и предчувствиями, мотивирующие реакции избегания [19]. К ситуациям, вызвавшим наибольший страх у респондентов относились ситуации, касающиеся физическим данным (1, 3), обладания некоторыми психологическими характеристиками (4, 5, 14, 15) и конкуренции за желаемую работу (18).

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что данные ситуации ранее когнитивно оценивались респондентами как значимые, а, следовательно, неудача в них способствовало угрозе их самооценке [13]. В модели сохранения позитивной самооценки А. Tesser [13] указывает, что когда индивиды чувствуют угрозу они испытывают тревогу и страх.

Как показывают исследования Н. Smith [14], если конкурент воспринимается как подобный, то перспектива нежелательного события (перспектива обладания чем-то таким же способом, что и конкурент) может вызывать страх и печаль.

К. Изард [20] отмечал, что детерминантой страха могут являться культуральные нормы и стандарты, то есть то, что поощряется в данной культуре или обществе является положительным для индивида, и, наоборот. Таким образом, необладание физическими данными, талантом, высоким IQ (ситуации 1, 3, 4, 5, 14, 15) возможно, в прошлом опыте ассоциировалось с наказанием респондентов, поэтому неудача в данных ситуациях вызвало эмоцию страха.

Как указывают Н. Smith [14] и К. Изард [20] причиной *стыда* является неудача, принижение собственного Я в глазах других, которые являются референтами, а также когда действия или какие-либо черты индивида далеки от идеала.

Эмоция стыда у респондентов была вызвана ситуациями, относящимися к физическим данным (6), к обладанию некоторыми психологическими характеристиками (4, 5, 14, 15) и к социальной реализованности (5).

Полученные данные можно объяснить тем, что обладание красивой фигурой, высоким IQ, талантами, общительностью, уверенностью, результативностью в значимых областях – могут являться идеалами самих респондентов и быть оценены значимыми другими. Таким образом,

неудача в этих качествах, в глазах значимых других или наказание за их отсутствие в прошлом опыте, могли привести к эмоции стыда.

Причиной эмоции *вины* является неправильное действие, нарушение этических, моральных, религиозных норм общества и культуры [20].

Эмоция *вины* у респондентов была вызвана ситуациями, относящимися к физическим данным (6), к обладанию некоторыми психологическими характеристиками (14) и к социальной реализованности (5), к конкуренции за желаемую работу (18).

Полученные данные можно объяснить тем, что обладание красивой фигурой, высоким IQ, результативностью в значимых областях, способностями, хорошей работой – могут оцениваться респондентами как ценные для общества, в котором они социализировались, или же в прошлом опыте наличие данных качеств, подкреплялось значимыми другими. Таким образом, неудача в данных качествах по сравнению с другим индивидом или их отсутствие, могли привести к эмоции вины.

Как показали исследования, в поведенческих реакциях на ситуации провокации социально-сравнительной ревности, *стратегией восходящего сравнения* чаще всего респонденты реагировали на ситуации 18, 17, 5, 11 и 10; *стратегией латерального сравнения* на ситуации 14, 4, 5, 11, 2; *стратегий ухода* на ситуации – 16, 7, 8, 12 и 3 (Табл. 4).

Реагирование восходящей стратегией на вышеуказанные ситуации, можно объяснить исходя из когнитивной и эмоциональной оценок этих ситуаций [18; 20]. Как показывают данные статистической обработки, все данные ситуации являются значимыми для респондентов. Таким образом, можно предположить, что значимость ситуации, в которой предполагался проигрыш конкуренту в сравниваемых атрибутах, приводит к угрозе самооценке и к реакции восходящего реагирования [13]. Данную точку зрения подтверждают ряд исследований, которые демонстрируют, что угроза самооценке может быть устранена, уменьшая значимость области сравнения, становясь подобным конкуренту в атрибутах сравнения, или стать лучше, чем конкурент в сравниваемых атрибутах [2; 4; 24].

Стоит отметить, что на данные ситуации (5, 10, 11, 17, 18) респонденты чаще всего реагировали гневом, отвращением и презрением. Так, К. Изард [20] указывал, что гнев может приводить к различным действиям, направленным против ситуации или же объекта, причиной которого была эмоция гнева. Эмоция отвращения приводит к попытке стать лучше, а презрение к контролю над ситуацией и её изменению [20]. Таким образом, можно предположить, что испытывая эмоцию гнева,

отвращения и презрения в ситуациях провокации социально-сравнительной ревности, индивид будет стремиться стать лучше конкурента. В исследованиях социально-сравнительной ревности, чаще всего эмоция гнева приводили к реакции восходящего или латерального реагирования на ситуации провокации [7; 11; 22].

Таблица 4

Ситуационный анализ более высоких поведенческих реакций социально-сравнительной ревности

Ситуации	СРЕДНЕЕ		
	ВС	ЛС	УХОД
1	0,17	0,18	0,58
2	0,48	0,26	0,20
3	0,29	0,21	0,46
4	0,28	0,33	0,34
5	0,46	0,31	0,19
6	0,29	0,22	0,45
7	0,11	0,13	0,72
8	0,13	0,20	0,63
9	0,32	0,24	0,38
10	0,41	0,14	0,39
11	0,43	0,30	0,22
12	0,38	0,11	0,47
13	0,27	0,25	0,43
14	0,30	0,34	0,30
15	0,31	0,20	0,44
16	0,07	0,04	0,84
17	0,48	0,14	0,34
18	0,58	0,19	0,18

Реагирование *латеральной стратегией* на вышеуказанные ситуации, также можно объяснить исходя из когнитивной и эмоциональной оценок этих ситуаций [18; 20].

Так, ситуации 4, 5, 11 были отмечены респондентами как значимые. Таким образом, можно предположить, что значимость ситуации, в которой был проигрыш конкуренту в сравниваемых атрибутах, привела к угрозе

самооценке и к реакции латерального реагирования [13]. Данную точку зрения подтверждают исследования, которые утверждают, что угроза самооценке может быть устранена, уменьшая значимость области сравнения или становясь подобным конкуренту в атрибутах сравнения [2; 4; 24].

Ситуации 2, 4, 5, 11 и 14, вызывали чаще всего у респондентов эмоции страха, стыда и вины. К. Изард [20] утверждал, что эмоция страха приводит к желанию защитить себя, а эмоции стыда и вины к желанию изменить себя самого.

Таким образом, можно предположить, что испытывая эмоции страха, стыда и вины в ситуациях провокации социально-сравнительной ревности, индивид будет стремиться изменить себя и приобрести качества и атрибуты, которыми обладает конкурент.

Реагирование *уходом* из ситуаций 3, 7, 8, 12, 16, также можно объяснить, отталкиваясь от когнитивной и эмоциональной оценок этих ситуаций.

В частности, ситуации 3, 12 и 16 оцениваются как незаслуженные, несправедливые и неправильные, таким образом, вероятно, угрожают Я-концепции респондентов и угрожают их самооценке, что, по мнению А. Tesser [13] и J. Wood [4], приводит к стремлению защитить себя: исказить или проигнорировать информацию, а также уйти из ситуации, чтобы сохранить положительную самооценку.

Так в исследовании Е. Pila и коллег [15] респонденты, которые считали, что превосходство другого в физических параметрах несправедливо, избегали ситуаций сравнения, чтобы не испытывать комплекс негативных эмоций. J. Wood [4] указывает, что когда индивиды оценивают свою способность как низкую по сравнению со способностью конкурента, и чувствуют угрозу самооценке, они склонны избегать ситуаций сравнений.

Ситуации 7 и 8 оценивались респондентами как справедливые и правильные, при этом испытывалась эмоция радости, что дает основания предположить о наличии у респондентов некоторого когнитивного консонанса, который привёл к положительным эмоциям, вследствие чего респонденты не стремились стать лучше или таким же, как конкурент [1; 18].

Таким образом, было установлено, что наиболее значимыми ситуациями были те, которые имели отношения к работе и связанными с ней денежными вознаграждениями, а также ситуации связанные с обладанием такими психологическими характеристиками как общительность, уверенность и реализованность своих возможностей.

Наиболее заслуженными, справедливыми и правильными расценивались ситуации, относящиеся к реализации собственных способностей и к обладанию определёнными талантами, способностями и качествами.

Ситуации, которые являлись значимыми, но в тоже время по оценкам респондентов трактовались как несправедливые, незаслуженные и неправильные приводили к угрозе самооценке и к ряду негативных эмоций (гневу, отвращению и презрению), а также к желанию стать лучше или таким же, как конкурент. В тех ситуациях, в которых индивиды ощущали отсутствие контроля над ней, а также которые не воспринимались как конкурентные, способствовали уходу из ситуаций.

Полученные результаты подтверждают концепцию феномена социально-сравнительной ревности как аттитюда, включающий когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Они могут быть применены для диагностики реакций на ситуации провокации социально-сравнительной ревности в различных сферах – в образовательной, спортивной, в организационном консультировании, психотерапевтической практике.

Библиографические ссылки

1. Festinger, L. A theory of social comparison processes /L. Festinger // Human Relations. – 1954. – Vol. 7. – P. 117–140.
2. Taylor, S.E. Social Comparison, Stress, and Coping / S.E. Taylor, B.P. Buunk, L.G. Aspinwall // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1990. – Vol. 16 (1). – P. 74–89.
3. Corcoran, K. Social comparison: Motives, standards, and mechanisms. / K. Corcoran, J. Crusius, T. Mussweiler // Theories in social psychology. – Oxford, UK: Wiley–Blackwell, 2011. – P. 119–139.
4. Wood, J.V. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes /J.V. Wood // Psychological Bulletin. – 1989. – Vol. 106. – P. 231–248.
5. Buunk, B.P. The Affective Consequences of Social Comparison Either Direction Has Its Ups and Downs / B.P. Buunk, R.L. Collins, S.E. Taylor, NW. vanYperen, G.A. Dakof // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – Vol. 59 (6) – P. 1238–1249.
6. Silver, M. The perception of envy / M. Silver, J. Sabini // Social Psychology. – 1978. – Vol. 41. – P. 105–117.
7. Bers, S.A. Social–Comparison Jealousy: A Developmental and Motivational Study / S.A. Bers, J. Rodin // Journal of Personal and Social Psychology. – 1984. – Vol. 47 (4). – P. 766–779.

8. Фурманов, И.А. Ревность социального сравнения как аттитюд / И.А. Фурманов, К.В. Лепешко // *Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал*. – 2017. – № 3. – С. 101-106.
9. Фурманов, И.А. Операционализация понятия ревность социального сравнения /И.А. Фурманов, К.В. Лепешко // *Актуальные проблемы психологии развития личности : сб. науч.стат. / Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы; редкол : А.В. Ракицкой, О.Г. Митрофановой*. – Гродно, изд-во ГрГУ, 2017. – С. 325 – 327.
10. Фурманов, И.А. Методика оценки ситуации провокации социально – сравнительной ревности / И.А. Фурманов, К.В. Лепешко// *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. – Минск. – 2019 (в печати).
11. Salovey, P. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy / P. Salovey, J. Rodin // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1984. – Vol. 47. – P. 780–792.
12. Mikulincer, M. An Attributional Analysis of Social-Comparison Jealousy / M. Mikulincer, A. Bizman // *Journal of motivation and emotion*. – 1989. – Vol.13 (4). – P. 320 – 345.
13. Tesser, A. Emotion in social reflection and comparison situations: Intuitive, systematic, and exploratory approaches /A. Tesser, J.E. Collins // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1988. – Vol. 55. – P. 695–709.
14. Smith, R.H. Assimilative and contrastive emotional reactions to upward and downward social comparisons/R.H. Smith // *Personality and social psychology bulletin*. – 1987. – Vol. 13. – P. 111–122.
15. Pila, E. Body-related envy: A social comparison perspective in sport and exercise/ E. Pila, A. Stamiris, C. Castonguay, M. Sabiston // *Journal of sport and exercise psychology*. – 2014. – Vol. 36. – P. 93–106.
16. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный /Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000.– Т. 2 .1084 с.
17. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
18. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства /Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2013. – 783 с.
19. Фурманов, И.А. Методика оценки эмоционального состояния /И.А. Фурманов // *Здоровье студенческой молодежи: достижения науки и практики на современном этапе / Мат. II Междунар. науч.-практ. конф.* – Минск. – 2000. – С. 38–39.
20. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 2008. – 484 с.
21. Aspinwall, L.G. Effects of Social Comparison Direction, Threat, and Self-Esteem on Affect, Self-Evaluation, and Expected Success / S.E. Taylor, L.G. Aspinwall // *Journal of Personal and Social Psychology*. – 1993. – Vol. 64, №5. – P. 708–722.

22. Salovey, P. The Differentiation of Social-Comparison Jealousy and Romantic Jealousy / P. Salovey, J. Rodin // *Journal of Personal and Social Psychology*. – 1986. – Vol. 50 (6). – P. 1100–1112.

23. Kamphoff, C.S. Jealousy in Sport: Exploring Jealousy's Relationship to Cohesion / C.S. Kamphoff, D.L. Gill, S. Huddleston // *Journal of Applied Sport Psychology*. – 2005. – Vol. 17. – P. 290–305.

24. Wood, J.V. Strategies of Social Comparison Among People With Low Self-Esteem: Self-Protection and Self-Enhancement / J.V. Wood, M. Giordano-Beech // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1994. – Vol. 67 (4). – P. 713– 731.

SITUATIONAL ANALYSIS OF SOCIAL-COMPARISON JEALOUSY REACTIONS

K. V. Lepeshko

Belarusian State University, Nezavisimosti Avenue, 4, Minsk, 220030, Belarus

Summary. The conception of social-comparison jealousy as three-dimension phenomenon is considered. The results of a empirical study of social-comparison jealousy are presented. The main reactions of social-comparison jealousy were analyzed.

Keywords: attitude, jealousy, social-comparison jealousy, social-comparison jealousy reactions.

УДК: 316.663.5

РОЛЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГИПЕРПЕРСОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ

Лозовский А. В.

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация: Рассматривается история изучения специфики коммуникации посредством компьютеров, концепция гиперперсональной модели коммуникации Дж. Уолтера и феномен селективной самопрезентации. Подчеркивается, что участники интернет-форумов и секций комментариев блогов и видеоблогов обладают определенными статусами и ролями, с которыми связаны как определенные правила поведения, так и социальные экспектации других участников коммуникационных интернет-площадок по отношению к ним. В процессе коммуникации пользователь выстраивает определенный дискурс, который влияет как на формирование у его собеседников ожиданий относительно его дальнейшего поведения, так и на формирование его роли в рамках коммуникационной площадки.

Ключевые слова: коммуникация посредством компьютеров; интернет-коммуникация; ролевое поведение; гиперперсональная модель; онлайн-идентичность; дискурс; интернет-форум; секция комментариев блога.

Термин «коммуникация посредством компьютеров» (Computer-Mediated Communication, СМС) подразумевает обмен информацией между двумя и более участниками коммуникации, который осуществляется ими посредством использования ЭВМ. Понятие «компьютер» в данном контексте включает в себя не только персональный компьютер (РС), но также любое электронно-вычислительное устройство, при помощи которого могут поддерживать коммуникацию как минимум два актора: в их число входят пейджер, мобильный телефон с работающей функцией отправки SMS, электронный планшет, ноутбук и др. Несмотря на ее широкую распространенность в современном мире, интернет-коммуникация является лишь одной из разновидностей коммуникации посредством компьютеров – наряду с коммуникацией в локальных сетях, SMS-коммуникацией и др.

Исследования, посвященные изучению специфики коммуникации посредством компьютеров, стали активно проводиться зарубежными

учеными с первой половины 1980-х гг., когда в университетах США начали набирать популярность локальные сети – такие как Usenet в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилл и BITNet в Йельском университете. Значительный вклад в популяризацию термина «computer-mediated communication» в научной среде сделала серия работ американского психолога С. Кислер и ее коллег [1; 2; 3]. В середине 1980-х гг. этой темой заинтересовались советские ученые, что нашло свое отражение в работах психолога О. Тихомирова и его коллег [4; 5].

В середине 1990-х гг., уровень внимания англоязычных исследователей к вопросам коммуникации посредством компьютеров повысился благодаря появлению издания «Journal of Computer-Mediated Communication». На постсоветском пространстве число исследований, посвященных данной теме, было сравнительно небольшим вплоть до первой половины 2000-х гг., когда стоимость персональных компьютеров снизилась настолько, что приобрести их могли уже и рядовые граждане. Среди исторически важных для отечественной науки публикаций данного периода мы можем выделить работы А. Войскунского и коллег [6; 7; 8].

В первой половине 2010-х гг., в результате т.н. «мобильной революции», которая характеризовалась появлением на рынке большого количества низкобюджетных смартфонов с возможностью подключения к глобальной сети (что многократно увеличило число постоянных пользователей интернета по всему миру), научные работы, посвященные изучению коммуникации посредством компьютеров, приобрели особую актуальность, и в связи с этим их количество стало неуклонно расти.

Отдельным направлением научной отрасли, изучающей специфику коммуникации посредством компьютеров, является психология интернет-коммуникации, рассматривающая психологические особенности поведения пользователей интернета в процессе их взаимодействия в условиях глобальной сети [9, с. 20-37]. Значительным ее достижением мы считаем выведение американским исследователем Дж. Уолтером теории обработки социальной информации (social information processing theory) в 1992 г., а также возникновение на ее основе гиперперсональной модели коммуникации (hyperpersonal communication model), разработка которой началась автором в 1996 г. [10; 11].

Подчеркнем, что гиперперсональная модель возникла в условиях интернета образца 1990-х гг., когда коммуникация между пользователями происходила преимущественно посредством текстовых сообщений, и развивалась в условиях интернета 2000-х гг., когда в результате развития

технологий интернет-коммуникации пользователи получили возможность обмениваться не только текстовыми сообщениями, но также изображениями и видеороликами. Таким образом, некоторые постулаты концепции Дж. Уолтера оказываются невалидными в условиях интернета 2010-х гг., когда пользователям стали доступны возможности общения в условиях прямой трансляции в реальном времени (к примеру, посредством видеоконференций в приложениях Skype или Viber, либо посредством видеочата на сайтах Chatroulette или Twitch). Тем не менее, данная модель сохраняет валидность в условиях, когда участники коммуникации способны обмениваться лишь текстовыми сообщениями и изображениями: в настоящее время такой метод интеракции все еще является наиболее распространенным среди пользователей, которые незнакомы друг с другом¹, но желают поучаствовать в обсуждении некой темы на онлайн-форуме либо в секциях комментариев к блогу или видеоблогу (последние выстроены на основании принципов онлайн-форума).

Гиперперсональная модель подразумевает, что участники интернет-коммуникации, обладающие возможностью общаться лишь при помощи текста и изображений, также обладают возможностью к селективной саморепрезентации. Главная особенность селективной самопрезентации в приведенных условиях заключается в том, что пользователь осознанно предоставляет собеседнику информацию о самом себе в рамках собственного дискурса, что обеспечивает ему определенную степень контроля над «образом себя», который формируется в сознании собеседника в процессе интернет-коммуникации. Поскольку в приведенных условиях участники коммуникации не обладают возможностью восприятия вербальных и невербальных сигналов со стороны друг друга², образ собеседника выстраивается в сознании каждого из коммуникантов на основании текстовой и изобразительной информации, предоставляемой данным собеседником в ходе общения, а также на основании собственных представлений пользователя о тех или иных качествах собеседника, которые

¹ Согласно нашим наблюдениям, пользователи интернета образца 2010-х гг. зачастую заводят знакомство с другими людьми в условиях обмена текстовыми сообщениями и изображениями (к примеру, на тематических форумах либо в социальных сетях), однако для целенаправленного общения в рамках развития отношений либо для занятия совместной деятельностью они обычно используют не текстовые мессенджеры, как это было в 2000-х гг., но видеоконференции либо аудиочаты (к примеру, в процессе совместной игры в многопользовательские онлайн-игры), что автоматически вносит определенные коррективы в работу исследователя, работающего в рамках классической гиперперсональной модели.

² В частности, к вербальным коммуникативным сигналам можно отнести тон, тембр, скорость, эмоциональную окрашенность и другие характеристики речи собеседника; к невербальным – его мимику, жестикуляцию, произвольные движения в результате нервного напряжения и др.

зачастую не соответствуют реальному положению дел – к примеру, оказываясь значительно преувеличенными (в терминологии Дж. Уолтера и коллег, «идеализированными») [12, с. 4-5].

Вместе с тем, обладая способностью к селективной саморепрезентации, участник способен намеренно фабриковать собственную онлайн-идентичность, предоставляя собеседникам ложную информацию о себе. Возможность фальсификации касается каждого из аспектов онлайн-саморепрезентации, происходящей в условиях взаимодействия посредством лишь текстов и изображений (начиная с данных личной анкеты на форуме либо в социальной сети и заканчивая спецификой ведения диалога). Таким образом, идентичность участника интернет-коммуникации в реальности может кардинально отличаться от образа, намеренно выстраиваемого им в рамках интеракции с другими пользователями, т.е. от того симулякра, которым является онлайн-персонаж. Отличия могут касаться не только пола или описания внешности коммуниканта, но также характерных для него речевых практик³, а также декларируемых им убеждений и установок.⁴

В процессе интернет-коммуникации пользователь, намеренно фабрикующий собственную онлайн-идентичность, вне зависимости от причин данного поступка⁵, создает дискурс, который, с его точки зрения, соответствует характеру выстраиваемого им образа. Дискурс участника интернет-коммуникации⁶ является основным средством формирования данного образа в сознании собеседников. Для того, чтобы этот дискурс не вызвал у собеседников подозрения, он должен быть правдоподобен, и вместе с тем внутренне непротиворечив; подозрение со стороны аудитории

³ К примеру, в случае, если участник интернет-коммуникации (актор) одного пола стремится убедить собеседников в том, что он является представителем другого пола, он способен прибегать к использованию речевых практик, которые, с его точки зрения, характерны для представителей изображаемого пола. В данном случае фальсификации может подвергаться как практика говорения о самом себе (в мужском либо женском роде), так и иные привычные актору речевые практики – к примеру, такой «фальсифицированный» дискурс может включать в себя слова, словосочетания и речеповеденческие тактики, которые являются «типичными» для того или иного пола с точки зрения актора (нарочитая агрессивность при отыгрывании «мужского» персонажа, нарочитая кокетливость при отыгрывании «женского» персонажа и др.).

⁴ К примеру, как в случае, когда интернет-троль изображает представителя политической партии (которая на самом деле ему несимпатична), либо верующего (являясь на самом деле атеистом), либо борца за права сексуальных меньшинств (на самом деле придерживаясь консервативных убеждений) с целью вызвать у своих собеседников интенсивную негативную эмоциональную реакцию в результате намеренно провокационного поведения в ходе коммуникации с ними.

⁵ Данные цели могут значительно различаться: от троллинга и мошенничества до желания «почувствовать себя другим человеком», поучаствовать в литературной ролевой игре ради развлечения [13] или даже подействовать в проведении научного исследования [14].

⁶ В частности, информация, которую он сообщает о себе посредством анкеты пользователя, сохраненных записей на своей странице в социальной сети, а также непосредственно в ходе диалога.

может привести к тому, что участники коммуникации перестанут верить в истинность выстраиваемого фальсификатором образа.

Стоит учесть, что, дискурс, создаваемый пользователем, вещающим от лица созданного им онлайн-персонажа, формирует у собеседников определенные ожидания относительно поведения данного персонажа в контексте различных ситуаций (в частности, эти ожидания касаются устойчивых⁷ речеповеденческих реакций персонажа в ответ на стимулы одного и того же типа, предъявляемые ему со стороны собеседников). Вместе с тем, данный дискурс формирует еще и определенные речеповеденческие шаблоны, характерные для его персонажа, которым сам пользователь должен следовать в процессе общения (т.е. на основании которых его персонаж должен реагировать на разного рода стимулы со стороны собеседников) для того, чтобы не разрушить выстраиваемый им образ. Оба этих фактора указывают на то, что в ходе создания дискурса, формирующего онлайн-персонаж, пользователь интернет-коммуникации формирует также присущую этому персонажу роль, ограничивающую репертуар действий данного персонажа в процессе общения с собеседниками (в целях сохранения правдоподобия и непротиворечивости действий и суждений данного персонажа).

В данном контексте понятие «роли» может быть охарактеризовано с позиций теории Р. Линтона, которая связывает концепцию «роли» с концепцией «статуса». Статус рассматривается автором в качестве «набора прав и обязанностей» («collection of rights and duties») индивида, занимающего определенную позицию в обществе, а роль – в качестве «динамического аспекта статуса» («dynamic aspect of a status»), который может изменяться в зависимости от социокультурной специфики общества, в котором существует носитель статуса [15, с. 113-114]. Аналогичной позиции придерживается социолог С. Фролов, характеризуя статус в качестве «совокупности прав, привилегий и обязанностей» и рассматривающий роль как набор действий, ожидаемых другими людьми от его обладателя [16, с. 66]. С нашей точки зрения, понятие «роль» в контексте интернет-коммуникации указывает на набор поведенческих паттернов, напрямую связанных с ожиданиями членов общества и их представлениями о том,

⁷ В данном случае под «устойчивостью» реакции подразумевается регулярное повторение реакции при совпадении определенных условий.

каким должно быть нормативное поведение носителя того или иного социального статуса.⁸

Поскольку собеседники получают информацию о социальном статусе пользователя интернет-коммуникации исходя из дискурса, который выстраивается им самим, зачастую коммуниканты не имеют возможности проверить истинность утверждений пользователя. Более того, пользователь обладает возможностью к фальсификации доказательств обладания тем или иным социальным статусом (будь то фотографии или изображения официальных документов). Таким образом, если поведение пользователя соответствует заявленному им социальному статусу и соответствующим социальным ожиданиям, его образ воспринимается собеседниками в качестве цельного и не вызывающего подозрений. Если же поведение пользователя противоречит ожиданиям собеседников, велика вероятность, что попытки пользователя к выстраиванию в их сознании конкретного «образа себя» в лучшем случае окончатся неудачей, а в худшем – раскрытием фальсификации и связанными с этим последствиями (к примеру, прерыванием контакта собеседников с данным пользователем).

Зачастую пользователи не стремятся ввести собеседников в заблуждение с целью создания непохожего на себя онлайн-«персонажа», вместо этого в процессе интернет-коммуникации отыгрывая «роль себя в повседневной жизни». Несмотря на это, воспринимаемый собеседниками образ пользователя, выстраиваемый дискурсом данного пользователя в процессе интернет-коммуникации, с высокой долей вероятности будет значительно отличаться от образа, который выстроился бы в сознании собеседников в результате коммуникации с пользователем в формате «лицом к лицу». Тенденция участников интернет-коммуникации к идеализации образа собеседника, обнаруженная Дж. Уолтером [12], подчеркивает то, что в результате возможности к селективной саморепрезентации индивид, вне зависимости от своих истинных намерений и степени осознания данного феномена, обычно создает в интернете не «точную копию себя», но специфического онлайн-«персонажа», обладающего лишь теми чертами, которые кажутся приемлемыми самому индивиду. Набор субъективно приемлемых черт при этом может выступать в качестве ограничителя, влияющего на поведение индивида в условиях интернет-коммуникации, т.е. в качестве границ роли индивида, стремящегося достичь неких результатов с

⁸ В данной работе под «социальным статусом» мы понимаем статус индивида «в реальной жизни», который может влиять на специфику его коммуникации в интернете.

ее помощью.⁹ Исходя из тех же причин, по которым индивид придерживается определенной роли в общении в формате «лицом к лицу», он может придерживаться схожей роли в процессе коммуникации посредством компьютеров (к примеру, роли «вежливого человека» либо «бунтаря»). Поскольку объем данной публикации не позволяет нам углубиться в вопрос о связи между характером индивида, его личностью и его онлайн-идентичностью (т.е. результатами его саморепрезентации в различных коммуникативных средах), отметим лишь, что данный феномен может быть описан с позиции теории символического интеракционизма в интерпретации И. Гофмана и декларируемой ей точки зрения о «драматургических» началах социальной интеракции как таковой, рассматривающей ситуацию бытового общения между людьми в качестве своеобразного «спектакля» [17, с. 49-50].

Социальный статус пользователя интернет-коммуникации и роль, создаваемая им в процессе дискурса, являются дополнительными по отношению к его статусу и роли в контексте внутреннего устройства онлайн-форума. Любая коммуникативная интернет-площадка представляет собой искусственно созданную коммуникативную среду, в рамках которой коммуникантам доступны лишь те действия, которые заранее были предусмотрены и реализованы создателями данной среды. К примеру, в большинстве случаев владельцы онлайн-форумов предоставляют рядовому пользователю возможность к публикации, редактированию и удалению собственных комментариев в уже существующих тредах (ветвях обсуждения, состоящих из цепочек сообщений), а также к возможности создания собственных тем для обсуждения, комментарии к которым со стороны других пользователей формируют новые треды. Тем не менее, рядовой пользователь обычно не может удалить ни созданный им самим тред, ни чужой тред; также он обычно не может удалять либо редактировать сообщения других участников форума, равно как и пресекать возможность других пользователей к публикации сообщений на форуме – этими возможностями зачастую располагает лишь администрация коммуникативной площадки (модераторы¹⁰ и администраторы форума).

⁹ О том, что «отыгрывание» роли (т.е. следование социальным ожиданиям собеседников) в процессе социальной коммуникации связано не столько с конформностью индивида, сколько с его осознанным стремлением к достижению определенных целей (т.е. к получению некой выгоды), одним из первых заявил социолог Р. Тернер в 1962 г. [18, с. 35].

¹⁰ Модераторы – пользователи, входящие в категорию администрации форума, отобранные старшими администраторами для слежения за соблюдением рядовыми участниками форума правил пользования данным форумом. В некоторых случаях группа модераторов может иметь свою внутреннюю иерархию – например, разделяться на рядовых модераторов и старших модераторов («супермодераторов», в терминологии авторов форума журнала «Игромания» [21]). Старшие модераторы

Таким образом, любой онлайн-форум (включая анонимные имиджборды) имеет определенную социальную иерархию, разделяющую пользователей на основании действий, доступных им в рамках форума. Следовательно, любой онлайн-форум имеет набор статусов и связанных с ними ролей участников форума, а также набор социальных ожиданий со стороны участников форума по отношению к действиям друг друга. Кроме того, крупные онлайн-форумы обычно имеют как негласные, так и официально задокументированные правила поведения, за нарушение которых пользователь может быть отстранен от возможности публикации сообщений на форуме усилиями администрации форума.¹¹ Так, официальные правила обычно включают в себя как минимум запрет на распространение материалов, запрещенных законодательством страны, в которой размещены сервера форума, и запрет на прямое оскорбление либо троллинг других участников форума. Отклонение от нормативного поведения на форуме обычно ведет к санкциям как со стороны рядовых участников форума (высмеивание, буллинг), так и со стороны администраторов (предупреждение о возможности отстранения либо отстранение пользователя от размещения комментариев на форуме, на определенное время либо навсегда).

Этот принцип касается как рядовых пользователей, так пользователей из команды администрации, ожидания по отношению к моральным качествам которых со стороны первых зачастую крайне велики. В качестве иллюстрации к данному утверждению можно привести русскоязычное сообщество «Пикабу», известное как тенденцией к сплоченному порицанию нарушителей негласных правил форума (к примеру, публикующих выдуманные истории под видом историй из жизни [19]), так и достаточно частыми конфликтами между модераторами и рядовыми пользователями, чьи действия показались последним несправедливыми (см. секцию комментариев сообщества «Вопросы по модерации» [20]).

Таким образом, в рамках форума пользователь может обладать статусом рядового пользователя, модератора либо администратора; при этом его возможности и требования, предъявляемые к нему со стороны участников форума, возрастают соответственно позиции, занимаемой им в данной иерархии. К примеру, как и рядовой пользователь, старший администратор не должен нарушать ни негласные, ни официально

обычно обладают большими возможностями в рамках форума, однако эти возможности зависят от специфики самого форума.

¹¹ К примеру, см. правила форумов «TUT.BY», «Onliner.by» и «Эхо Москвы» [22; 23; 24].

задокументированные правила форума, несмотря на то, что он обладает доступом ко всем функциям данного форума (включая возможность назначать модераторов, удалять как любые комментарии, так и целые треды на форуме, а также возможность переписывать программный код форума); его поведение ограничено спецификой его роли, связанной с ожиданиями как рядовых пользователей, так и модераторов. Форум с «несправедливой» или «злоупотребляющей своим положением» администрацией рискует как лишиться лояльности собственных пользователей, так и потерять популярность среди аудитории глобальной сети, что в результате может закончиться его закрытием.

Схожая ситуация наблюдается в случае с блогами и видеоблогами: основное отличие секции комментариев от классического онлайн-форума заключается в том, что владелец блога обычно выступает в качестве единоличного администратора собственной страницы, обладающего возможностью как удалять комментарии со стороны посетителей блога (подписчиков либо сторонних пользователей), так и возможностью прекращать доступ к своему блогу отдельным посетителям. Впрочем, поскольку владелец блога является контент-мейкером и обладает соответствующим статусом в контексте интернет-коммуникации (в то время как «гости» блога обладают статусом потребителей контента), ему выгодно придерживаться либо такого поведения, которое будет удовлетворять как можно большее число его подписчиков, либо такого, которое позволит привлечь как можно больше новых подписчиков – в обоих случаях чрезмерно жесткое обращение с «гостями» способно навредить репутации контент-мейкера. Впрочем, социальные ожидания различных слоев аудитории по отношению к контент-мейкеру могут значительно различаться, равно как и поведение самих контент-мейкеров, равно как и роли, которые они формируют в процессе создания собственного дискурса.

Таким образом, каждый участник онлайн-форума обладает определенным статусом в его рамках (рядовой пользователь либо представитель администрации), с которым связана определенная роль, поддерживаемая как негласными, так и официально зафиксированными правилами поведения, а также социальными ожиданиями других участников форума. В дополнение к этому, каждый участник онлайн-форума обладает определенным социальным статусом «в реальной жизни», который может соответствовать либо не соответствовать социальному статусу, который данный участник приписывает себе в процессе создания собственной онлайн-идентичности; ее создание происходит посредством

выстраивания пользователем определенного дискурса в процессе коммуникации с собеседниками. В свою очередь, каждый участник блогинговой либо видеоблогинговой платформы также обладает определенным статусом в рамках секции комментариев, при этом владелец блога обладает большими возможностями (и, следовательно, более высоким статусом), чем посетители блога. В рамках секции комментариев к записи владелец блога обладает статусом контент-мейкера, в то время как посетители блога обладают статусом потребителей контента.

Библиографические ссылки

1. Czajkowski, A. Computer-Mediated Communication: Or, the Next Best Thing to Being There / A. Czajkowski, S. Kiesler // National Forum. – 1984. – Vol. 64. №3. – P. 32–34.
2. Kiesler, S. Social Psychological Aspects of Computer-Mediated Communication / S. Kiesler S., J. Siegel, T.W. McGuire // American Psychologist. – 1984. – Vol. 39. – №10. – P. 1123–1134.
3. Kiesler, S. Affect in Computer-Meditated Communication: An Experiment in Synchronous Terminal-to-Terminal Discussion / S. Kiesler, D. Zubrow, A.M. Moses, V. Geller // Human Computer Interaction. – 1985. – Vol. 1. Iss. 1. – P. 77–104.
4. Тихомиров, О.К. Общение, опосредствованное компьютером / О.К. Тихомиров, Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский // Вестник МГУ. Сер. 14.: Психология. – 1986. – № 3. – С. 31–42.
5. Тихомиров, О.К. Психологический анализ трудовой деятельности, опосредованной компьютерами / О.К. Тихомиров, Л.П. Гурьева // Психологический журнал. – 1986. – Т. 7. – № 5. – С. 13–25.
6. Войскунский, А.Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций / А.Е. Войскунский // Вопросы психологии. – 1991. – №6. – С. 142–147.
7. Арестова, О.Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Вестник МГУ. Сер. 14.: Психология. – 1996. – №4. – С. 14–20.
8. Бабаева, Ю.Д. Интернет: воздействие на личность / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, О.В. Смылова // Гуманитарные исследования в Интернете. – М.: Можайск-Терра, 2000. – С. 11–39.
9. Белинская, Е.П. Психология Интернет-коммуникации: учеб. пособие. / Е.П. Белинская. – М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК. 2013. – 192 с.
10. Walther, J.B. Interpersonal Effects in Computer-Mediated Interaction: A Relational Perspective / J.B. Walther // Communication Research. – 1992. – Vol. 19. Iss. 1. – P. 52–90.

11. Walther, J.B. Computer-Mediated Communication: Impersonal, Interpersonal and Hyperpersonal Interaction / J.B. Walther // *Communication Research*. – 1996. – Vol. 23. Iss. 1. – P. 3-43.
12. Walther, J.B. The Effect of Feedback on Identity Shift in Computer-Mediated Communication / J.B. Walther, Y.J. Liang, D.C. DeAndrea, S.T. Tong, C.T. Carr, E.L. Spottswood, Y. Amichai-Hamburger // *Media Psychology*. – 2011. – Vol. 14. Iss. 1. – P. 1–26.
13. Kiberd, R. The Strange World of Internet Role-Play Has Gone Mainstream / R. Kilberd. [Electronic resource] // Mode of access: https://motherboard.vice.com/en_us/article/4x3adw/the-strange-world-of-internet-roleplay-is-getting-less-strange. Date of access: 27.12.2018.
14. Geyer, A.M. Social Networking as a Platform for Role-Playing Scientific Case Studies / A.M. Geyer // *Journal of Chemical Education*. – 2014. – Vol. 91. Iss. 3. – P. 364–367.
15. Linton, R. The Study of Man, an Introduction /R. Linton. – N.Y. : Appleton Century Company, Inc. 1936. – 523 p.
16. Фролов, С.С. Социология / С.С. Фролов. – М.: Наука. 1994. – 256 с.
17. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
18. Turner, R.H. Role-Taking: Process Versus Conformity // *Human Behavior and Social Processes: An Interactionist Approach* / R.H. Turner // ed.: A.M. Rose. – Boston: Houghton Mifflin. 1962. – P. 20-40.
19. Эксперимент «Голод» – качественный рассказ и только [Электронный ресурс] // Pikabu.ru. Режим доступа: https://pikabu.ru/story/yeksperiment_quotgolodquot_kachestvennyiy_rasskaz_i_tolko_5548746. Дата доступа: 28.12.2018.
20. Вопросы по модерации [Электронный ресурс] // Pikabu.ru. Режим доступа: <https://pikabu.ru/community/moderator>. Дата доступа: 28.12.2018.
21. Правила форума [Электронный ресурс] // Форум «Игромании». Режим доступа: http://forum.igromania.ru/faq.php?faq=vb_faq#faq_board_rules. Дата доступа: 27.12.2018.
22. Правила форумов [Электронный ресурс] // TALKS.BY Форумы. Режим доступа: <https://talks.by/rules.php?rules>. Дата доступа: 27.12.2018.
23. Пользовательское соглашение. Правила [Электронный ресурс] // Onliner.by. Режим доступа: <https://blog.onliner.by/siterules>. Дата доступа: 27.12.2018.
24. Правила модерации и комментирования [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/moderate.html>. Дата доступа: 27.12.2018.

ROLE BEHAVIOR OF THE USERS OF INTERNET-COMMUNICATION FROM THE PERSPECTIVE OF HYPERPERSONAL COMMUNICATION MODEL

Lazouski A. V.

Belarusian State University Nezavisimosti Avenue, 4, Minsk 220030, Belarus

Abstract: This article examines the history of computer-mediated research, the concept of hyperpersonal communication model by J. Walther and the phenomenon of selective self-presentation. It is emphasized that the members of internet-forums and comment sections of blogs and videoblogs possesses certain statuses and roles that related both to certain norms and social expectations of the other members of internet communication platforms. During communication process user creates certain discourse that affects both on expectations of his interlocutors relating to his future behavior and on formation of his role within the communication platform.

Key words: computer-mediated communication; internet-communication; role behavior; hyperpersonal model; online identity; discourse; internet forum; comment section.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ САМООЦЕНКИ ЗДОРОВЬЯ

Мойсейчук М.И.

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. В статье рассматривается понятие «самооценка здоровья», приводятся его основные определения и критерии, а также обосновывается необходимость его более детального изучения. Выявляется связь между оценкой индивидом своего здоровья и показателем смертности и заболеваемости. В статье подчеркивается интегральный характер рассматриваемого понятия, а именно: включение в самооценку здоровья помимо соматического компонента также и эмоционального состояния индивида, уровня его психологического благополучия. Также в статье описаны основные факторы, детерминирующие самооценку здоровья, среди которых можно выделить гендерную принадлежность индивида, его возраст, место проживания, уровень дохода и широту сети социальной поддержки.

Ключевые слова: самооценка здоровья, смертность, продолжительность жизни, факторы, гендерные различия, возрастные особенности, социальная поддержка.

В современном мире подчеркивается важность личной ответственности человека в отношении своего здоровья. Эта тенденция приводит к необходимости детального рассмотрения такого понятия как «самооценка здоровья» и выявления различных факторов, которые ее детерминируют. Изучение процесса оценки человеком своего здоровья представляется крайне важным для психологической науки, поскольку позволяет получить информацию, как о физическом состоянии индивида, так и об уровне его благополучия, социальной активности, состоянии эмоциональной сферы, а также дает основания для прогноза показателей здоровья в дальнейшем. Более того, то, каким образом человек оценивает свое здоровье, дает основания предполагать о наличии или отсутствии рискованных форм поведения, поскольку отношение к своему здоровью как к ценности может способствовать более бережному отношению к себе, повышению уровня физической активности, ведению здорового образа жизни.

На данный момент существует несколько определений понятия «самооценка здоровья». Так, И.В. Журавлева отмечает, что «самооценка здоровья – это оценка индивидом своего физического и психического состояния, ключевой показатель отношения к здоровью» [1, с. 51]. Автор также выделяет три функции, характерные для самооценки здоровья: 1) регулятивная; 2) оценочная; 3) прогностическая [1].

Отмечается, что самооценка здоровья является одним из наиболее широко используемых показателей состояния здоровья в исследованиях, а также она рекомендована Всемирной организацией здравоохранения [2]. Под показателем самооценки состояния здоровья ВОЗ подразумевает «долю респондентов, которые считают свое здоровье либо удовлетворительным, либо плохим» [3].

Самооценка здоровья является интегральным показателем и включает в себя как наличие или отсутствие различных симптомов, так и психологическое благополучие индивидов [1]. Автор наиболее известной модели психологического благополучия, К. Рифф, определяет данное понятие как «стремление к совершенствованию, которое представляет собой реализацию истинного потенциала» [4, с. 100]. Модель психологического благополучия включает шесть основных компонентов: положительные отношения с другими, автономия, управление окружением, наличие цели в жизни, личностный рост и самопринятие [5;6;7]. Каждый компонент модели К. Рифф является показателем позитивного функционирования личности и может достигать различной степени выраженности, определяя структуру и общий уровень психологического благополучия. В свою очередь, И. В. Журавлева считает, что возможность выполнять свои социальные функции и роли является основным параметром для оценки своего здоровья [1].

Стоит также отметить, что получение информации о том, как индивид оценивает свое здоровье, открывает возможность изучения его субъективных и социально-психологических компонентов [8].

Интегральный характер самооценки здоровья подчеркивает и Ю.Г. Фролова, отмечая, что при оценке состояния своего здоровья индивид интегрирует его соматические характеристики, изменения в функциональных системах и различные эмоциональные состояния [9].

Можно выделить шесть основных критериев, на которые опирается индивид при оценке своего здоровья: 1) биомедицинский (наличие либо отсутствие симптомов болезни); 2) физическое функционирование организма; 3) оценка своего поведения; 4) социальную активность; 5)

социальное сравнение; б) психологическое, эмоциональное, духовное состояние [10].

Анализ и рассмотрение понятия самооценки здоровья представляет собой крайне важную задачу в современной науке, поскольку данная оценка может выступать в качестве реального показателя здоровья либо во многом отражающего объективный соматический статус [1;11]. Более того, выявление самооценки здоровья индивидами совместно с объективными показателями здоровья может расширить имеющуюся информацию о существующих факторах здоровья и служить элементом обратной связи [11]. Рядом исследователей рассматриваемое понятие оценивается как более значимый показатель по сравнению со статистическим состоянием здоровья жителей того или иного поселения [12].

Необходимость изучения самооценки здоровья как прогнозирующего показателя состояния здоровья индивида в целом доказывает и ряд исследований, которые выявили, что низкие показатели самооценки здоровья повышают риск смертности, даже при условии наличия контроля за его объективным состоянием [13;14;15]. В результате нескольких лонгитюдных исследований пожилых людей было установлено, что с помощью самооценок здоровья можно прогнозировать будущую смертность, учитывая известные факторы риска и социально-демографические показатели, причем такие прогнозы оказывались даже точнее врачебных [15;16].

Исследователями выдвигалось множество гипотез относительно наличия связи между низкими показателями самооценки здоровья и смертностью. Так было высказано предположение, что, для оценки своего здоровья, индивид прибегает к сочетанию информации о состоянии телесной системы, которая не может быть «захвачена» только объективными показателями здоровья [17].

Кроме того, определение показателей самооценки здоровья может позволить косвенным образом выявить индивидов, которые не обращаются за медицинской помощью, но имеют какие-либо проблемы со здоровьем и, тем самым, формируют группы риска [1].

Самооценку здоровья можно рассматривать в качестве мотивационной детерминанты поведения, что особенно важно в контексте увеличения уровня заболеваемости и риска преждевременной смертности: недооценка человеком ценности своего здоровья и увеличение числа нездоровых типов поведения является фактором возникновения описанных процессов [18].

Таким образом, многоплановость самооценки здоровья как одного из показателей реального или прогнозируемого состояния здоровья, так и

детерминанты наличия или отсутствия будущих заболеваний и угрожающих типов поведения способствует усилению интереса к данной проблеме со стороны исследователей. Так, отмечается, что практически все исследования по проблемам здоровья включают в себя самооценку здоровья как точку отсчета при характеристике его аспектов. Тем не менее, существует ряд трудностей относительно психометрической оценки рассматриваемого понятия: присутствие социально-желательных ответов, проблема необъективной оценки своего состояния [1].

Предполагается, что на самооценку здоровья оказывают влияние культура, ценности, убеждения, представления о приоритетных компонентах здоровья социальное окружение, экономический статус, гендерные показатели и возраст. Проведенный анализ литературы и исследований позволяет сделать вывод, что основными изученными факторами самооценки здоровья являются: 1) гендерная принадлежность; 2) возраст; 3) место проживания; 4) уровень дохода; 5) социальная поддержка [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25].

Одним из наиболее исследованных факторов оценки индивидом своего здоровья являются *гендерные различия и особенности*. Так, И.Б. Назарова утверждает, что в отношении здоровья существуют определенные гендерные стереотипы, которые хоть и не всегда имеют под собой почву, но в некоторых случаях подтверждаются рядом исследований, например, предполагается, что женщины:

- чаще и быстрее реагируют на болезненное состояние и обращаются за советом к специалисту;
- преувеличивают количество и серьезность своих проблем;
- должны жертвовать карьерой ради семьи (оставаться дома в случае необходимости ухода за близкими);
- располагают меньшим временем для посещения врача в силу занятости и на работе, и дома;
- чувствуют себя более уверенно в своих способностях самолечения.

Относительно поведения мужчин можно обнаружить следующие стереотипы:

- должны выполнять функцию кормильца семьи и делать карьеру, поэтому здоровьем заниматься некогда;
- больше подвержены депрессии;
- обращаются к специалисту с более серьезными проблемами со здоровьем, чем женщины [19].

Стоит отметить, что существуют гендерные различия и в формировании отношения к здоровью и самосохранительного поведения. Данные различия формируются при прохождении этапа гендерной социализации, который осуществляется в семье, близком окружении, а также в учебных заведениях. По результатам исследования Н.И. Паутовой и И.С. Паутова было обнаружено, что женщины в целом оценивают свое здоровье ниже, чем мужчины. Авторы приходят к выводу, что более низкая самооценка женщинами здоровья по сравнению с мужчинами детерминирует стратегии поведения, направленные на поддержание и укрепление здоровья и отличающиеся более выраженной, чем у мужчин, самосохранительной направленностью. При этом и мужчины, и женщины имеют свои специфические источники опасностей для здоровья и ресурсов для его улучшения. Авторы подчеркивают, что гендерные различия в рисках и шансах для здоровья коррелируют как с особенностями их социально-экономического положения, так и с субъективным восприятием «здорового» и «нездорового» поведения. Авторы также отмечают, что стратегии поведения индивида в ситуации болезни являются важным фактором, который может характеризовать отношение к здоровью как ценности. В данном вопросе также имеются гендерные различия. Так по результатам исследования, как мужчины, так и женщины в большинстве случаев не обращаются к медицинским работникам, а занимаются лечением самостоятельно, что, естественно, является неблагоприятным фактором [20].

Самооценка здоровья женщин также детерминирована наличием состояния хронической усталости и депрессии. Было обнаружено, что данным явлениям менее подвержены женщины, имеющие хорошо оплачиваемую работу с преобладанием интеллектуального труда, что положительно сказывается на их социальной идентичности и самоуважении [21]. Таким образом, можно предполагать, что различия в самооценке здоровья у мужчин и женщин обусловлены наличием ожиданий и стереотипов относительно их поведения, что, в свою очередь, отражается и на поведении, связанным со здоровьем.

Н.А. Маланичева в своем исследовании самооценки здоровья у индивидов, проживающих в различных населенных пунктах, выявила *возрастные особенности* самооценки здоровья, а именно: в целом в городах население имеет более позитивные самооценки здоровья, однако люди пенсионного возраста, живущие в городах, оценивают состояние своего здоровья ниже, чем в сельской местности. Автор объясняет это тем, что городские жители в трудоспособном возрасте характеризуются более

высоким уровнем жизни в городе и большей доступностью жизненных благ, а также обладают уверенностью в будущем. При выходе на пенсию, по мнению исследователя, обостряются хронические заболевания, жизнь в городских условиях становится менее благоприятной для здоровья, неудобной, частые стрессы и негативное воздействие окружающей среды находят отражение в снижении самооценки здоровья пожилых горожан [22].

В.Ф. Капитонов с коллегами в результате исследования беременных женщин определил, что *уровень дохода* связан с показателями самооценки состояния их здоровья. Так, было обнаружено, что женщины, имеющие высокий уровень обеспеченности, значительно выше оценивают состояние своего здоровья, чем женщины с меньшим уровнем обеспеченности. Однако среди женщин, имеющих средний уровень обеспеченности, процент оценивших свое здоровье выше больше, чем среди женщин, имеющих доход выше среднего и ниже среднего [11]. Наличие корреляции между уровнем дохода можно объяснить как большей доступностью медицинских услуг для людей, имеющих крайне высокий достаток, так и большим уровнем психологического благополучия индивидов с достаточно высоким уровнем дохода, что позволяет им, возможно, сталкиваться с меньшим количеством стрессовых ситуаций.

Здесь стоит отметить, что помощь других людей позволяет снизить уровень стресса и выработать адаптивные копинг-стратегии, что приводит к тому, что *социальная поддержка* оказывает влияние на самооценку индивидом своего здоровья. В то же время социальный капитал (материальные и психологические ресурсы, доступ к которым индивид получает благодаря вхождению в социальные сети и взаимодействию с другими людьми) коррелирует с показателями самооценки здоровья. Индивиды с широкой сетью социальной поддержки оценивают свое здоровье выше, чем индивиды, живущие в социальной изоляции. При этом выделяют несколько типов социальной поддержки, а именно: эмоциональную; инструментальную; оценочную и информационную. Эмоциональная тип заключается в проявлении заботы, понимания и симпатии со стороны окружающих людей; инструментальная поддержка подразумевает оказание практической помощи в ситуации невозможности справиться с трудностями самостоятельно; оценочная поддержка заключается в форме помощи человеку при необходимости принятия решения; информационная – в получении совета или необходимой информации [23;24;25].

Таким образом, можно констатировать, что самооценка здоровья является интегральным показателем физического и психического

состояния индивида и включает в себя не только соматический компонент и показатели функционирования организма, но также и эмоциональное состояние индивида, уровень его психологического благополучия. При этом самооценка здоровья является одним из наиболее широко используемых показателей состояния здоровья в исследованиях, а анализ и рассмотрение данного понятия представляется крайне важным. Самооценка индивидом своего здоровья может выступать в качестве характеристики его реального здоровья, а также может рассматриваться как один из его показателей, во многом отражающий объективный соматический статус. Более того с помощью данного показателя можно прогнозировать будущую смертность, учитывая известные факторы риска и социально-демографические факторы, причем такие прогнозы могут отличаться высокой точностью. Так, низкие показатели самооценки здоровья повышают риск смертности, даже при условии, что объективное состояние здоровья контролируется.

Детерминантами самооценки здоровья могут выступать гендерные различия, возрастные особенности, доступность и широта социальной поддержки, социоэкономический статус, культура, ценности, убеждения, представления о приоритетных компонентах здоровья. Данные факторы в дальнейшем нуждаются в более детальном изучении, что позволит расширить как теоретические, так и практические знания о формировании, динамике и изменении самооценки здоровья индивидов.

Библиографические ссылки

1. Журавлева, И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. – М. : Наука, 2006. - 238с.
2. Li, C. Association between sociodemographic, psychosocial, lifestyle factors and self-reported health among migrant laborers in China / C. Li, X. Meng, J. Wang, H. Ma, C. Chen, Y. Liu // Journal of the Chinese Medical Association. – 2017. – №80. – P. 204-211.
3. Самооценка состояния здоровья [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hbsc_14-self-rated-health. – Дата доступа : 18.02.2018.
4. Ryff, C.D. Psychological well-being in adult life / C.D. Ryff // Current Directions in Psychological Science. – 1995. – № 4. – P. 99–104.
5. Жуковская, Л.В. Шкала психологического благополучия К. Рифф / Л.В. Жуковская, Е.Г. Трошихина // Психологический журнал. – 2011. – №2. – С. 82-93.

6. Лепешинский, Н.Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф / Н.Н. Лепешинский // Психологический журнал. – 2007. – №3. – С. 24-37.
7. Ryff, C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being / C.D. Ryff // Journal of personality and social psychology. – 1989. – Vol. 57. – P. 1069–1081.
8. Goldstein, M.S. Predicting changes in perceived health status / M. S. Goldstein, J. M. Siegel, R. Boyer // Am. J. Public Health. – 1984. – №74. – P. 611–613.
9. Фролова, Ю.Г. Психология здоровья / Ю.Г. Фролова. – Минск. : Издательство «Вышэйшая школа», 2014. – 340 с.
10. Joffe, H. Representations of health risks: what social psychology can offer health promotion / H. Joffe // Health Education Journal. – 2002. – Vol. 61. – №2. – 153-165.
11. Капитонов, В.Ф. Анализ самооценки состояния здоровья беременных женщин / В.Ф. Капитонов, В.Б. Цхай, Е.А. Панченко, Е.Ю. Роговенко // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – №7. – С. 1-12.
12. Паутов, И.С. Анализ взаимосвязей между самооценкой здоровья, социальными практиками, влияющими на здоровье, и типом поселения на примере современной России / И.С. Паутов // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2015. – №1. – С.93-99.
13. Callum, Mc. Self-rated health and survival: A 7-year follow up study of Australian Elderly / Mc. Callum, J. Shadbolt, B. Wang // Am. J. Public Health. – 1994. – №84. – P. 1100–1105.
14. Idler, E.L. Self-rated health and mortality: Are view of twenty-seven community studies / E.L. Idler, Y. Benyamini // J. Health Soc. Behav. – 1997. – №38. – P. 21–37.
15. Mossey, J.M. Self-rated health: A predictor of mortality among the elderly / J. Mossey, E. Shapiro // Am. J. Public Health. – 1982. – №72. – P. 800–808.
16. Kaplan, G. Perceived health and mortality: a nine-year followup of the human population laboratory Cohort / G. Kaplan, T. Camacho // American Journal of Epidemiology. – 1983. – № 117. – P. 292-304.
17. Fylkesnes, K. The Tromso study: Predictors of self-evaluated health – Has society adopted the expanded health concept? / K. Fylkesnes, O.H. Forde // Soc. Sci. Med. – 1991. – №32. – P. 141–146.
18. Бурмыкина, О.Н. Гендерные различия в практиках здоровья: подходы к объяснению и эмпирический анализ / О.Н. Бурмыкина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – №2. – С. 101-119.
19. Назарова, И.Б. Здоровье занятого населения / И.Б. Назарова. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 526 с.

20. Паутова, Н.И. Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности (по данным 21-й волны RLMS-HSE) / Н.И. Паутова, И.С. Паутов // *Женщина в российском обществе*. – 2015. – №2 (75). – С.60-75.
21. Lennon, M.C. Women and mental health: The interaction of job and family conditions / M. C. Lennon, S. Rosenfield // *Journal of Health and Social Behavior*. – 1992. – №33. – P. 316—327.
22. Маланичева, Н.А. Здоровье населения крупного города / Н.А. Маланичева // *Проблемы развития территории*. – 2012. – № 1(57). – С. 57-81.
23. Русинова, Н.Л. Здоровье и социальный капитал (Опыт исследования в Санкт-Петербурге) / Н.Л. Русинова, Л. В. Панова, В. В. Сафронов // *Социологические исследования*. – 2010. – № 1. – С. 87-100.
24. Berkman, L.F. From Social Integration to Health: Durkheim in the New Millennium / L. F. Berkman, T. Glass, I. Brissette, T. Seeman // *Social Science and Medicine*. – 2000. – Vol. 51 (6). – P. 843 - 857.
25. Cohen, S. Social Relationships and Health / S. Cohen // *American Psychologist*. – 2004. – №59 (8). – P. 676 - 684.

CHARACTERISTIC OF THE CONCEPT AND MAIN FACTORS OF THE SELF-RATED HEALTH

Мойсейчук М.И.

Belarusian State University, Nezavisimosti Avenue, 4, Minsk 220030, Belarus

The article focuses on the concept of self-rated health, provides the main definitions and criteria for self-rated health, and also substantiates the need for a more detailed study of this indicator. The relationship between an individual's assessment of his or her health and the mortality and morbidity rate is considered. The article emphasizes the integral nature of the concept, namely, the inclusion in the self-rated health the somatic component and the emotional state of the individual, the level of his or her psychological well-being. Also, the article describes the main factors that determine health self-rated health, among which are gender, age, place of residence, income level and breadth of the social support network.

Key words: self-rated health; mortality; life expectancy; factors; gender differences; age features; social support.

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ К
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ
ВОДИТЕЛЕЙ-ЭКСПЕДИТОРОВ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ
РАБОТЫ**

Слука В.О.

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. В статье рассматриваются различия в эмоциональном интеллекте, толерантности к неопределенности и профессиональной мотивации у водителей различного возраста и профессионального стажа. Также в статье исследуется взаимосвязь данных психологических характеристик и показателей скорости прохождения таможенного контроля и станций технического обслуживания. Предлагаются рекомендации по подбору водителей-экспедиторов в дальнейшей перспективе развития транспортного комплекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности, профессиональная мотивация, водители-экспедиторы, транспортный комплекс, методы отбора персонала.

Согласно стратегии инновационного развития транспортного комплекса Республики Беларусь до 2030 года в сфере транспортного комплекса приоритетной целью является формирование ведущих направлений инновационного развития транспортного комплекса республики, обеспечивающих конкурентоспособность и безопасность транспортных услуг, повышение эффективности использования транспортной инфраструктуры для полного удовлетворения потребностей экономики государства и населения.

По нашему мнению, совершенствование методов отбора водителей – профессионалов, а также повышение уровня их профессиональных качеств является одной из важных задач для развития транспортного комплекса страны в целом. Так как эффективность использования любых инновационных технологий и технических средств определяется особенностями человека, использующего их. В связи с этим акцент на отбор водителей, обладающих наиболее подходящими профессиональными и в том

числе психологическими характеристиками, является одним из самых приоритетных.

При этом среди водителей различных категорий наибольший исследовательский интерес представляют водители-экспедиторы, в связи с рядом особенностей их профессиональной деятельности. Несмотря на очевидную необходимость исследования психологических характеристик профессиональных водителей и в частности водителей-экспедиторов в нашей стране наблюдается острый дефицит такого рода исследований. В большинстве своем исследования похожей тематики проводятся российскими исследователями. При этом, анализируя особенности деятельности профессии «водитель» и, в частности, водитель-экспедитор, в большинстве своем делается акцент на роль психических процессов, способствующих наиболее успешному выполнению профессиональных функций [3; 4; 5; 6]. Так, изучаются особенности использования органов чувств (зрение, слух, обоняние и т.д.), что является, безусловно, важным и необходимо при изучении данной профессии и выявлении критериев профессионального отбора. Однако наряду с психофизиологическими показателями необходимо подробно и тщательно изучить психологические особенности водителей-экспедиторов для выявления наиболее полного списка критериев при профессиональном отборе и подготовке.

Цель исследования – выявить различия в таких психологических характеристиках как, эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности и профессиональная мотивация у водителей экспедиторов с различным стажем работы.

Мы считаем, что отмеченные выше психологические характеристики могут способствовать выполнению таких профессиональных функций как прохождений таможенного контроля и станций технического обслуживания. В частности, мы считаем, что ряд этих психологических характеристик могут быть связаны со скоростью прохождения таможни и СТО, что увеличивает общую скорость доставки груза.

Материалы и методы / теоретические основы В исследовании приняло участие 98 лиц мужского пола в возрасте от 23 до 54 лет с различным стажем работы.

Для проведения эмпирического исследования были выбраны следующие методики:

- 1) Новый опросник толерантности к неопределенности (Корнилова)
- 2) Тест эмоционального интеллекта Люсина

3) Опросник для диагностики мотивов профессиональной деятельности специалистов (Францева Т.Н.)

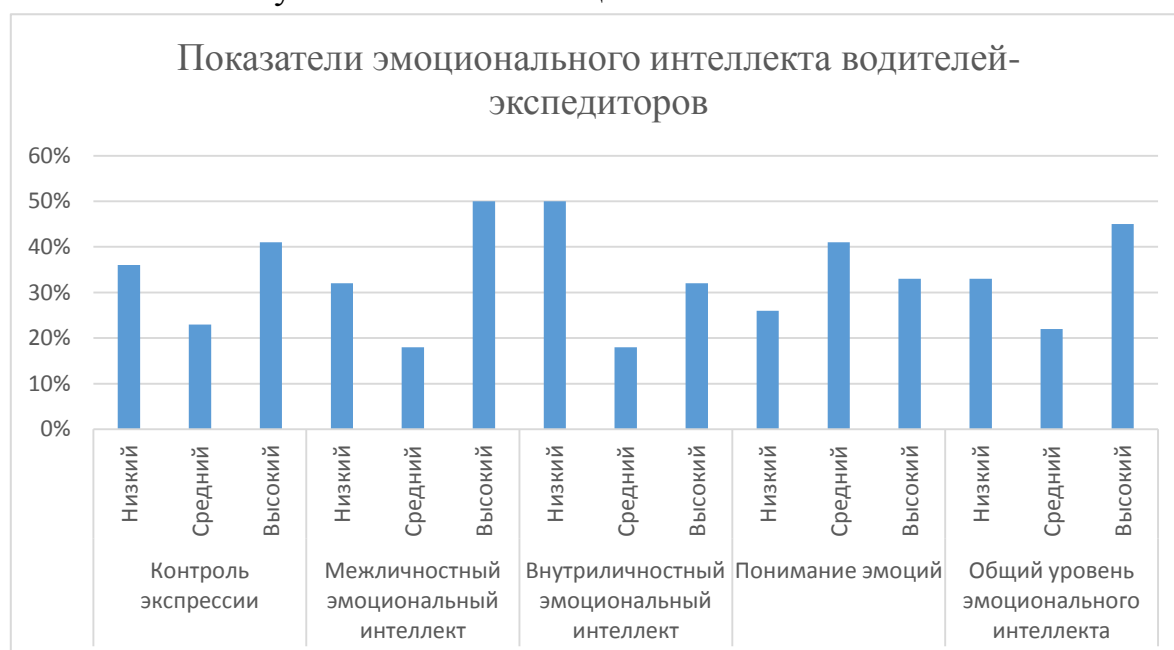
Методы статистической обработки данных – частотный, корреляционный (коэффициент корреляции Спирмена), многофакторный дисперсионный анализ.

Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью программы SPSS 21.0 for Windows.

По результатам исследования средний возраст респондентов составил 34 года, водительский стаж 12 лет, стаж работы водителем-экспедитором 7,5 лет. 83% процента водителей перевозили в течении своей карьеры 1 или более грузов различных степеней опасности. К 64% в течении карьеры применялись 1 или более штрафных санкций.

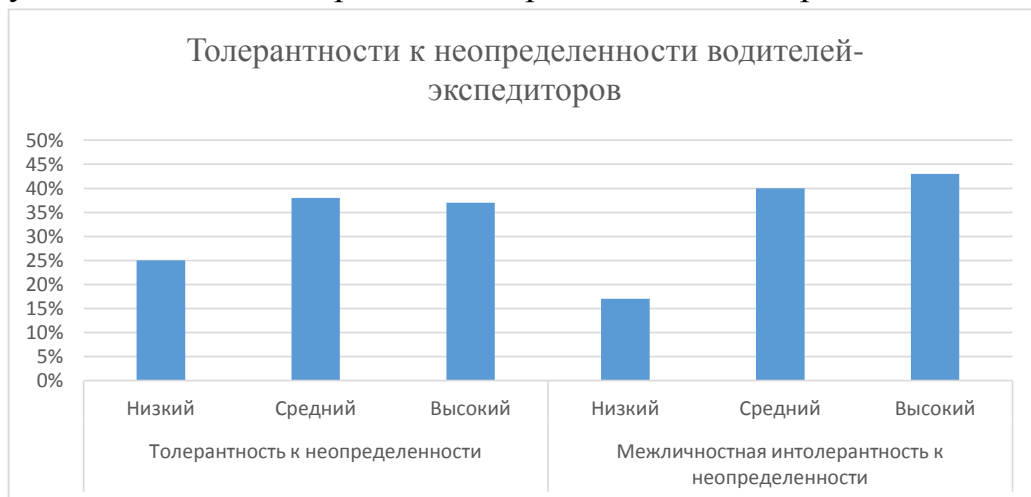
Результаты и обсуждение. Под эмоциональным интеллектом в рамках исследования подразумевалось способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими, способность распознать, идентифицировать эмоцию и понимать причины, вызвавшие ее, а также способность интенсивность и внешнее выражений эмоций [7;8]. В ходе исследования показатели эмоционального интеллекта были измерены при помощи теста эмоционального интеллекта Люсина у 98 респондентов. По результатам обработки были получены следующие результаты (Рисунок 1.1):

Рисунок 1.1 – Тест эмоционального интеллекта Люсина

Показатели толерантности к неопределенности были измерены при помощи нового опросника толерантности к неопределённости. По результатам обработки были получены следующие результаты (Рисунок 1.2)

Рисунок 1.2 – Новый опросник толерантности к неопределённости

Профессиональная мотивация водителей экспедиторов исследовалась опросником для диагностики мотивов профессиональной деятельности специалистов. Были получены следующие результаты (Рис. 1.3):

Рисунок 1.3 – Опросник для диагностики мотивов профессиональной деятельности специалистов (Францева Т.Н.)

При проведении многомерного дисперсионного анализа с использованием в качестве фактора возраста респондентов были получены следующие результаты (Таблица 1.1):

Таблица 1.1 – Многомерный дисперсионный анализ

Зависимые переменные	Уровень значимости р
Толерантность к неопределенности	р = 0,04
Интолерантность	р = 0,68
Межличностная интолерантность	р = 1,23
Понимание чужих эмоций	р = 0,03
Управление чужими эмоциями	р = 0,64
Понимание своих эмоций	р = 0,74
Управление своими эмоциями	р = 0,71
Контроль экспрессии	р = 0,59
Межличностный эмоциональный интеллект	р = 0,05
Внутриличностный эмоциональный интеллект	р = 0,8
Понимание эмоций	р = 0,02
Общий уровень эмоционального интеллекта	р = 0,04
Мотив жизнеобеспечения	р = 0,03
Мотив взаимодействия	р = 0,92
Мотив активности	р = 0,04
Мотив признания	р = 0,9
Мотив самореализации	р = 0,04

Таким образом исходя из полученных результатов мы можем прийти к выводу, что имеются значимые различия у водителей различных возрастов по таким показателям как толерантность к неопределённости, понимание чужих эмоций, межличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций, общий уровень эмоционального интеллекта, мотив жизнеобеспечения, мотив активности, а также мотив самореализации.

При проведении многомерного дисперсионного анализа с использованием в качестве фактора возраста стаж работы водителем

экспедитором получены следующие результаты были получены следующие результаты (Таблица 1.2):

Таблица 1.2 – Многомерный дисперсионный анализ

Зависимые переменные	Уровень значимости р
Толерантность к неопределенности	р = 0,02
Интолерантность	р = 0,71
Межличностная интолерантность	р = 1.35
Понимание чужих эмоций	р = 0,02
Управление чужими эмоциями	р = 0,54
Понимание своих эмоций	р = 0,83
Управление своими эмоциями	р = 0,63
Контроль экспрессии	р = 0,95
Межличностный эмоциональный интеллект	р = 0,04
Внутриличностный эмоциональный интеллект	р = 0,78
Понимание эмоций	р = 0,3
Общий уровень эмоционального интеллекта	р = 0,03
Мотив жизнеобеспечения	р = 0,04
Мотив взаимодействия	р = 0,81
Мотив активности	р = 0,03
Мотив признания	р = 0,76
Мотив самореализации	р = 0,02

Таким образом исходя из полученных результатов мы можем прийти к выводу, что имеются значимые различия у водителей с различным стажем работы по таким показателям как толерантность к неопределённости, понимание чужих эмоций, межличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций, общий уровень эмоционального интеллекта, мотив жизнеобеспечения, мотив активности, а также мотив самореализации.

Различия в показателях толерантности к неопределённости с возрастом и увеличением водительского стажа могут быть объяснены

развитием данного показателя в процессе выполнения профессиональных обязанностей водителей-экспедиторов.

Как таковая толерантность к неопределённости определяет отношение индивида к неоднозначным, неопределённым, тревожащим ситуациям вне зависимости от эмоционального знака этой неопределённости. Индивид, толерантный к неопределённости, подходит к оценке любой неопределённой ситуации как к возможности выбора или же развития и приобретения нового для себя опыта. При этом он не испытывает деструктивной тревоги в ситуациях неопределённости и активно и продуктивно действует в подобных ситуациях. Индивид, интолерантный к неопределённости, в свою очередь, обладает повышенными показателями тревожности в ситуациях неопределённости, что может приводить к недостаточно эффективным путям их разрешения [1; 2].

Водителям-экспедитором зачастую в ходе рейса приходится находиться в ситуации неопределённости при доставке груза и до назначения ему новой точки доставки. Помимо этого, как правило, в рейс водитель также может отправляться по мере появления заказа на доставку груза, до этого пребывания в достаточной степени неведения о том, будет ли предоставлена ему работа как таковая в данный промежуток времени. При этом водитель-экспедитор никак заранее не может предположить, в какой в недалеком будущем будет его точка разгрузки, что, в свою очередь, также усиливает ситуацию неопределённости для данного вида деятельности. Мы считаем, что для максимально успешного и продуктивного выполнения своей профессиональной деятельности водитель-экспедитор должен обладать толерантностью к неопределённости и данный показатель необходимо учитывать при профессиональном отборе кандидатов на эту работу и обучении данной профессии.

Различие в таких показателях, как понимание чужих эмоций, межличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций, общий уровень эмоционального интеллекта, также могут быть объяснены развитием данных параметров в процессе выполнения профессиональных обязанностей водителей-экспедиторов.

В ходе выполнения своих непосредственных профессиональных функций водителю-экспедитору постоянно приходится оказываться в ситуациях межличностного общения на границе с представителями таможи различных стран, с заказчиками по месту доставки груза, а также с операторами сотрудников логистической компании. Успешность и скорость доставки груза в данной ситуации напрямую зависит от навыков

межличностного общения водителя, его способности распознавать и гибко реагировать на эмоции людей от которых, в частности, может зависеть успешность доставки груза или же его непосредственная выгрузка. При этом также крайне важны способности к адаптации и управлению стрессовыми ситуациями, так как зачастую в процессе растаможивания, доставки и выгрузки груза могут возникать различные внештатные ситуации, которые требуют эффективных и своевременных решений и действий от водителя, дабы груз был доставлен вовремя.

Различия по таким показателям как мотив жизнеобеспечения, мотив активности, а также мотив самореализации могут быть объяснены изменением мотивации водителей-экспедиторов в процессе осуществления ими своей профессиональной деятельности.

Возможно предположить, что с увеличением возраста и стажа работы у водителей-экспедиторов все больше развивается мотив жизнеобеспечения, направленный на получение средства существования и обеспечения семьи и собственного существования, тогда как, на начальных этапах работы может превалировать мотив самореализации и активности, связанный с жадой деятельности, стремлением к путешествиям, новым впечатлениям и получения нового опыта.

При проведении корреляционного анализа со временем, проводимым на таможне и характеристиками эмоционального интеллекта и толерантности к неопределенности, выявлена связь между временем прохождения таможни и такими показателями как понимание чужих эмоций (0,229, $p < 0,05$), межличностный эмоциональный интеллект (0,245, $p < 0,05$), общий уровень эмоционального интеллекта (0,260, $p < 0,05$).

При проведении корреляционного анализа со временем, проводимым на СТО и характеристиками эмоционального интеллекта и толерантности к неопределенности, выявлена связь между временем прохождения таможни и такими показателями как понимание чужих эмоций (0,136, $p < 0,05$), межличностный эмоциональный интеллект (0,184, $p < 0,05$), общий уровень эмоционального интеллекта (0,331, $p < 0,01$).

Таким образом, можно предположить, что существует взаимосвязь между пониманием чужих эмоций, межличностным эмоциональным интеллектом, а также общим эмоциональным интеллектом и временем прохождения таможни и СТО.

Мы можем предположить, что в определенной степени скорость прохождения таможни или же ремонта на СТО может в определенной степени зависеть от выстраивания межличностных краткосрочных

отношениях с таможенными лицами и представителями служб технического обслуживания грузовых автомобилей. Успешное понимание эмоций, выстраивание позитивных и дружеских отношений с представителями описанных выше структур может в неформальном и нерегламентированном аспекте приводить к ускорению обслуживания как документации, так и самой машины в частности.

Таким образом на основании проведенного анализа мы можем прийти к следующим выводам:

1. На данный момент чрезвычайно важным является формирование ведущих направлений инновационного развития транспортного комплекса Республики, обеспечивающих конкурентоспособность и безопасность транспортных услуг, повышение эффективности использования транспортной инфраструктуры для полного удовлетворения потребностей экономики государства и населения, одними из ведущих задач являются повышение скорости доставки грузов, повышение безопасности транспортной деятельности, а также ее эффективности. При этом для успешного выполнения намеченных целей необходимо акцентировать внимание не только на внедрение современных геоинформационных, информационно-аналитических, навигационных и коммуникационных систем и модернизации непосредственно транспортных средств, но и сосредоточить внимание на повышении профессиональных качеств непосредственно самого водителя автотранспорта. В целях повышения продуктивности отбора высококвалифицированных водителей-экспедиторов, способных выполнять свои профессиональные обязанности с максимальным качеством и скоростью, видится целесообразным ввести использование психологических методик направленных на измерение таких показателей как толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект, с целью еще на этапе подбора отбирать наиболее подходящих профессионалов в данной сфере деятельности.

2. С увеличением возраста и стажа работы у водителей-экспедиторов наблюдается различия в показателях толерантности к неопределённости, понимание чужих эмоций, межличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций, общий уровень эмоционального интеллекта, а также по таким показателям как мотив жизнеобеспечения, мотив активности, мотив самореализации. Данные различия могут быть обусловлены спецификой профессиональной деятельности водителей-экспедиторов и изменяться, позволяя выполнять свои профессиональные обязанности более успешно.

3. В определенной степени скорость прохождения таможи или ремонта на СТО взаимосвязана с такими показателями как понимание чужих эмоций, межличностный эмоциональный интеллект, общий уровень эмоционального интеллекта. Можно предположить, что успешное понимание эмоций, выстраивание позитивных и дружеских отношений с представителями таможи и СТО приводит к более комфортному и быстрому выполнению профессиональных обязанностей водителей-экспедиторов, повышая успешность протекания его деятельности.

Библиографические ссылки

1. Виндекер, О.С. Психометрические грани антихрупкости: толерантность к неопределенности, жизнестойкость и рост/ О.С. Виндекер // Российский психологический журнал. – 2016. – № 3 – С. 107–122.
2. Вотинцева, Т.С. Взаимосвязь уровня толерантности к неопределенности и психологического благополучия личности / Т.С. Вотинцева, В.Р. Петренко// Педагогика и психология образования. – 2016. – № 4 – 145–149.
3. Бахаев, А.А. Подготовка, переподготовка, обучение и профессиональный отбор водителей транспортных средств / А.А. Бахаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – С. 100–104.
4. Ефремов, Б.Д. Методы оценки профессиональных качеств водителей автомобилей /Б.Д. Ефремов, Ю.В. Оверин // Техничко-технологически проблемы сервиса. – 2011. – № 2. – С. 95–97.
5. Ешкова, Ю.А. Особенности практики грузовых автомобильных перевозок и подготовки водителей для 1991 года / Ю.А. Ешкова, Ю.А. Витвицкий// Вестник СибАДИ. – 2014. – № 4. – С. 7–13.
6. Приходько, В.М. Интеллектуальные транспортные системы в автомобильнодорожном комплексе /В.М. Приходько. – М.: ООО «МЭЙЛЕР», 2011. – 487 с.
7. Робертс, Р.Д. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике/ Р.Д. Робертс. // Психология. – 2004. – Т. 1. – № 4. – С. 3–24.
8. Степанов, И.С. Психологические факторы становления эмоционального интеллекта/ И.С. Степанов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 11. – С. 205–217.

EMOTIONAL INTELLIGENCE, UNCERTAINTY TOLERANCE AND PROFESSIONAL MOTIVATION OF DRIVER-FORWARDERS WITH DIFFERENT WORKING PERIOD

V.O. Sluka

Belarusian State University, Nezavisimosti Avenue, 4, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article discusses differences in emotional intelligence, tolerance for uncertainty and professional motivation among drivers of different ages and professional experience. The article also examines the relationship of these psychological characteristics and speed indicators of the passage of customs control and service stations. Recommendations on the selection of drivers forwarders in the future development of the transport complex of the Republic of Belarus are proposed.

Key words. Emotional intelligence, tolerance for uncertainty, professional motivation, driver-forwarders, transport complex, staff selection methods.

УДК 159.9

ФЕНОМЕН ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Соколович Е.А., Астрейко Н.С.

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. В статье анализируются теоретические подходы к рассмотрению межличностного аспекта перфекционизма. Сравняются объектно-ориентированный и социально предписываемый перфекционизм как составляющие межличностного перфекционизма. Обсуждаются перспективы дальнейшего исследования феномена.

Ключевые слова: перфекционизм, феномен перфекционизма, межличностные отношения.

В современном обществе важным критерием оценки значимости индивида являются высокие достижения в процессе деятельности, выполненные с соблюдением всех требований (стандартов). Широко распространены нереалистично высокие стандарты работы, навязываемые индивиду окружением и средствами массовой информации, что приводит к разнообразным проявлениям феномена перфекционизма.

На основании анализа психологической литературы перфекционизм можно квалифицировать в зависимости от направленности завышенных требований: на самого себя, окружающих людей и на мир в целом. Межличностный аспект перфекционизма проявляется в завышенных требованиях к окружающим людям, что может негативно сказываться на межличностных взаимоотношениях. Перфекционизм может привести к обесцениванию отношений, отсутствию чувства принадлежности.

При разностороннем исследовании феномена перфекционизма, межличностный аспект перфекционизма рассмотрен достаточно фрагментарно. Следовательно, изучение особенностей и последствий межличностного перфекционизма является актуальным направлением в отечественной психологии. Данная публикация направлена на теоретический анализ работ, посвященных исследованию феномена перфекционизма в межличностных отношениях.

Существует множество взглядов зарубежных и отечественных исследователей относительно трактовки понятия «перфекционизм». Под перфекционизмом М. S. Bhatia понимает «требование исполнять все более

качественно, чем необходимо в ситуации» [11, с. 305]. Г. В. Иванченко определяет перфекционизм как «установку рассматривать в качестве неприемлемого все, что ниже совершенства» [6, с. 79]. Так, N.G. Khawaja отмечает, что перфекционизм – это «сильная необходимость достижения самых высоких стандартов, сочетаемая с чрезмерной критичностью к себе» [16, с.358].

По мнению В. А. Ясной и С. Н. Ениколопова, перфекционизм следует рассматривать как «стремление к безупречности, совершенству» [10, с. 157]. Исследователь D. Burns определил перфекционизм как сеть когниций [12]. Хотим отметить, что в каждом определении перфекционизма присутствует такая составляющая, как предъявление высоких стандартов.

Проанализировав существующие определения к данному феномену, можно заключить, что *перфекционизм* – психологический феномен, который характеризуется предъявлением самому себе и окружающим чрезвычайно высоких стандартов, отсутствием способности реалистично оценивать собственные возможности и возможности окружающих.

Перфекционизм является социальным феноменом и может развиваться только в социальном контексте под влиянием окружающих. Эталоны поведения перфекциониста транслируются через ближайшее окружение индивида (родители, друзья, коллеги), средства массовой информации [3]. Перфекционистские установки чаще распространяются на зримые атрибуты успешности, которые в первую очередь оцениваются окружающими [4].

Ряд исследователей относят межличностный (интерперсональный) аспект перфекционизма к структуре личности, другие ученые – к дихотомическому мышлению. Дихотомическое мышление представляет деление происходящих событий в соответствии с поляризованной оценкой «все очень хорошо – все очень плохо» [2]. Однако, каждый аспект перфекционизма можно отнести к дихотомическому мышлению. Поэтому дихотомическое мышление является составляющей как межличностного перфекционизма, так и перфекционизма, ориентированного на самого себя.

По Р. Hewitt и G. Flett в перфекционизме выделяется трехмерная структура. Данная структура состоит из: субъектно-ориентированного, объектно-ориентированного и социально предписываемого перфекционизма. К межличностному аспекту перфекционизма можно отнести две составляющие: объектно-ориентированный (перфекционизм, ориентированный на других) и социально предписываемый перфекционизм [13; 14].

Объектно-ориентированный перфекционизм включает завышенные требования по отношению к окружающим, ожидания от них безупречного поведения, требовательность, нетерпеливость к ошибкам других, невозможность прощать [13; 14]. Такие люди характеризуются как «властные, конкурентоспособные, отдаленные от других, нетерпеливые, управляющие и эгоистичные, но у них есть способность к руководству» [16, с. 200]. Для данного вида перфекционизма характерны низкие показатели принятия других людей, что проявляется во враждебности и подозрительности [5].

Исследователи В. А. Ясная и С. Н. Ениколопов считают, что за объектно-ориентированным перфекционизмом может стоять потребность в доминировании [10]. Данное утверждение частично подтверждается характеристикой, предложенной L. M. Kim, которая описывает индивидов с объектно-ориентированным перфекционизмом, как эгоистичных, властных и управляющих [15]. Индивиды с объектно-ориентированным перфекционизмом склонны считать, что они не оказывают влияния на формирование своего круга общения [5]. Это утверждение является сомнительным. Итак, исходя из выше представленных характеристик объектно-ориентированного перфекционизма можно заключить, что для данного аспекта перфекционизма характерны эгоистичность, нетерпеливость, высокие требования по отношению к другим, критичность, стремление доминировать. Данные характеристики больше подходят человеку, который сам формирует свой круг общения.

Социально предписываемый перфекционизм включает в себя представления о том, что другие ожидают от тебя совершенного поведения, которое формируется в межличностных контактах. Перфекционизм искажает когнитивную структуру, что проявляется в восприятии других людей как чрезмерно критикующих [9]. Такие люди чувствительны к внешним оценкам, зависимы от одобрения окружающих, а также нуждаются в поддержке и внимании [5]. Люди с высоким уровнем социально предписанного перфекционизма считают, что одобрение и принятие необходимо заслужить [3]. На наш взгляд, когнитивная структура искажается и при объектно-ориентированном перфекционизме, но искажается на уровне восприятия других людей, что проявляется в иррациональных и нереалистичных требованиях к окружающим.

Социально предписываемый перфекционизм характеризуется наличием потребности в общении, поддержке и внимании [5]. На наш взгляд, данная потребность не характерна для объектно-ориентируемого перфекционизма,

так как он проявляется в низком уровне принятия окружающих, завышенных требованиях, нетерпимости к чужим ошибкам, что приводит к отдалению от других людей.

Также социально предписываемым перфекционизмом положительно взаимосвязан с эскапизмом (избегающим поведением) и отрицательно с принятием себя и других [5]. Помимо этого была установлена положительная корреляция между социально предписываемый перфекционизм и экстраверсией, нейротизмом и отрицательная корреляция между социально предписываемым перфекционизмом и ориентацией во времени (умение жить настоящим), автономностью, гибкостью поведения, спонтанностью, самоуважением, самопринятием, принятием агрессии, контактности, представлениями о природе человека (восприятие природы человека как положительную), высоким локусом контроля, потребностью в общении и одобрения, страхом негативной оценки со стороны окружающих [1; 7].

Для перфекционистов характерна изначально чрезмерная идеализация отношений, а после их обесценивание, так как ожидания не соответствуют действительности [8]. Отличие состоит в том, что для объектно-ориентированного перфекционизма характерно обесценивание отношений, связанное с не оправдавшим ожидания партнером, а для социально предписываемого – мысли о несоответствии ожиданиям партнера.

Индивидуумы, которые имеют партнера с высоким показателем объектно-ориентированного перфекционизма, оказались не довольны своими отношениями, менее адаптированы к ним, в отношениях ощущают мало поддержки и понимания, чем испытуемые с менее требовательными партнерами. В таких отношениях перфекционисты не ощущают дискомфорта, а страдает их партнер [2; 16].

Таким образом, можем заключить, что, не смотря на то, что некоторые исследователи не согласны с выделением перфекционизма в межличностных отношениях как самостоятельного аспекта перфекционизма, большинство авторов все же выделяют его. В основу данной работы был взят когнитивный подход, в рамках которого к межличностному (интерперсональному) перфекционизму можно отнести следующие составляющие: объектно-ориентированный и социально предписываемый перфекционизм. Данные составляющие перфекционизма имеют схожие черты, которые проявляются в том, что для них характерно искажение когнитивной структуры, избегание социальных контактов, сложность при установлении взаимоотношений с другими людьми, низкий уровень семейного единства, чрезмерная идеализация, а после обесценивание отношений из-за несоответствия

ожиданий и реальности. Отличия объектно-ориентированного и социально предписываемого перфекционизма проявляется в направленности нереалистичных требований: в первом случае – на самого себя, во втором – на других, а также в направленности искажения восприятия других людей: при объектно-ориентированном перфекционизме другие воспринимаются как несовершенные, что не совпадает с ожиданием, а при социально предписываемом перфекционизме – другие воспринимаются как чрезмерно критикующие. При объектно-ориентированном перфекционизме дискомфорт при межличностном взаимодействии ощущает партнер, но не сам перфекционист, а при социально предписываемом перфекционизме – сам перфекционист. Проведенное теоретическое исследование оставляет ряд вопросов, которые касаются причин возникновения перфекционизма, а также факторов, которые являются определяющими в том, на кого будут направлены высокие требования и ожидания – самого себя и окружающих.

Библиографические ссылки

1. Гаранян, Н.Г. Перфекционизм и психические расстройства (обзор зарубежных эмпирических исследований) / Н. Г. Гаранян // *Терапия психических расстройств*. – 2006. – № 1. – С. 23–31.
2. Гаранян, Н.Г. Психологические модели перфекционизма / Н. Г. Гаранян // *Вопросы психологии*. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
3. Грачева, И.И. Уровень перфекционизма и содержание идеалов личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. / И. И. Грачева; Гос. ун-т гуманитарных наук. – М., 2006. – 24 с.
4. Золотарева, А.А. Перфекционистская самопрезентация как патологический феномен: перспективы изучения и измерения нового феномена в клинической психологии / А. А. Золотарева // *Психология XXI века : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2009 г. : в 2 ч. / Ленинградский гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол.: А.Г. Маклаков [и др.]*. – СПб, 2009. – Ч. 2. – С. 281–286.
5. Жебрун, Я.О. Особенности социально-психологической адаптации студентов, склонных к перфекционизму / Я. О. Жебрун // *Вестник Бурятского ун-та*. – 2010. – № 5. – С. 36–38.
6. Иванченко, Г.В. Совершенство в искусстве и в жизни / Г. В. Иванченко. – М.: КомКнига, 2007. – 176 с.
7. Малкина-Пых, И.Г. Исследования взаимосвязи самоактуализации и перфекционизма в структуре личности / И. Г. Малкина-Пых // *Мир психологии*. – 2010. – № 1. – С. 208–218.

8. Холмогорова, А.Б. Нарциссизм, перфекционизм и депрессия / А. Б. Холмогорова, Н. Г. Гаранян // Консультативная психология и психотерапия. – 2004. – № 1. – С. 18–35.
9. Юдеева, Т.Ю. Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств : автореф. дис. ... канд. псих.наук : 19.00.04 / Т. Ю. Юдеева ; Московский научно-исследовательский институт психиатрии. – Москва, 2007. – 23 с.
10. Ясная, В.А. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы / В. А. Ясная, С. Н. Ениколопов // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 157–168.
11. Bhatia, M.S. Perfectionism / M. S. Bhatia // Dictionary of Psychology and Allied Sciences. – New Age International Publishers. – 1999. – P. 305.
12. Burns, D. The perfectionist's script for self-defeat / D. Burns // Psychology Today. – 1980. – № 14 (11). – P 34-51.
13. Flett, G. L. Components of perfectionism and procrastination in college students / G. L. Flett, K. R. Blankstein, P. L. Hewitt, S. Koledin // Social behavior and personality. – 1992. – № 20 (2). – P. 85–94.
14. Flett, G. L. Dimensions of perfectionism, unconditional self-acceptance, and depression / G. L. Flett, A. Besser, R. A. Davis, P. L. Hewitt // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. – 2003. – Vol. 21, № 2. – P. 119–138.
15. Kim, L. M. A «Perfect» Storm: Perfectionism, Forgiveness, and Marital Satisfaction / L. M. Kim, J. L. Johnson, J. Ripley // Individual Differences Research. – 2011. – Vol. 9, № 4. – P. 199–209.
16. Khawaja, N.G. Factor structure and psychometric properties of the Frost Multidimensional Perfectionism Scale: Developing shorter versions using an Australian sample / N. G. Khawaja, K. A. Armstrong // Australian Journal of Psychology. – 2005. – Vol. 57, № 2. – P. 129–138.

Работа выполнена благодаря финансовой поддержке Белорусского фонда фундаментальных исследований

THE PHENOMENON OF PERFECTIONISM IN INTERPERSONAL RELATIONS

E.A. Sokolovich, E.S. Astreyko

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract: The article considers the analysis of the theoretical approaches of the interpersonal aspect of perfectionism. The object-oriented and socially prescribed aspects of

perfectionism as components of interpersonal perfectionism are compared. Prospects for further research of this phenomenon are discussed.

Key words: perfectionism, the phenomenon of perfectionism, interpersonal relations.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Татарко К.И.

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Статья представляет собой теоретический анализ возрастных характеристик средней и поздней зрелости. Также акцентируется внимание на индивидуальные сценарии прохождения человеком этих периодов на основе их особенностей. Рассмотрена возрастная периодизация. Отмечено, что в отношении возрастных классификаций целесообразно применять понятие «зрелость», а не «зрелость». Подробно расписаны психологические особенности периода средней (40 — 60-65 лет) и поздней зрелости (после 60-65 лет). В указанные этапы наступает биологическое старение. Однако наиболее заметные черты данного процесса проявляются в поздней зрелости, поэтому социальное и психологическое старение преимущественно связывается с этой стадией человеческого развития. Индивид сам выбирает для себя линию собственного развития, однако чтобы у представителя поздней зрелости появилось желание и ресурсы внести вклад в общество необходимы определенные действия со стороны социума. К ним относятся: предоставление пожилым больших возможностей для активного существования, трудовой деятельности, сохранение здоровья; изменение отношения к старению и точная операционализация понятия «старение», отражающая современные реалии.

Ключевые слова: возрастная периодизация; средняя зрелость; поздняя зрелость; старение; индивидуальный путь развития.

Во Всемирном докладе о старении и здоровье, опубликованном в 2015 году, отмечено, что необходимо переосмыслить функциональные возможности стареющих людей, а не исключать их из общественной жизни, т.к. старение не означает зависимость [1]. Индивид может продолжать развиваться как личность даже при снижении физических сил или потере тех возможностей, которые были у него раньше. Он может быть участником различных общественных групп, иметь друзей, путешествовать, зарабатывать, общаться в социальных сетях, выполнять физические упражнения, быть самодостаточным и не чувствовать себя одиноким.

Однако в повседневной реальности доминирует идея о неспособности стареющего человека к развитию в связи с ухудшением деятельности его

физиологической системы [2]. Вследствие чего он не в состоянии принести значительную пользу обществу. Более того, большинство пожилых живут на государственном обеспечении. Из-за проблем со здоровьем у них могут быть утрачены навыки самообслуживания. Следовательно, они нуждаются в присмотре и помощи со стороны трудоспособного слоя населения. Также существующие стереотипы в отношении старения не отличаются наличием положительных характеристик. Сформированный в обществе образ противоречит утверждениям, высказанным во Всемирном докладе о старении и здоровье. Чтобы разрешить данную дилемму, проанализируем вначале возрастную периодизацию взрослого человека, а затем подробно остановимся на возрастных особенностях стареющих людей.

Биологические признаки старения, как правило, начинают проявляться в 45 лет [3]. В возрастной периодизации указанный календарный возраст входит в период средней зрелости. Однако в различных классификациях цифры этого периода неодинаковы:

— ранняя зрелость (17 — 25 лет), средняя зрелость (25 — 50 лет), поздняя зрелость (50 — 75 лет), старость (после 75 лет) — классификация Дж. Биррена [4];

— ранняя зрелость (21 — 25 лет), средняя зрелость (25 — 40 лет), поздняя зрелость (40 — 55 лет), предпенсионный возраст (55 — 65 лет), старость (после 65 лет) — периодизация Д. Б. Бромлей [4];

— молодой возраст (25 — 44 года), средний возраст (44 — 60 лет), пожилой возраст (60 — 75 лет), старческий возраст (75 — 90 лет), долгожительство (после 90 лет) — периодизации ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения) [5];

— ранняя зрелость (18-21 — 40 лет), средняя зрелость (40 — 60-65 лет), поздняя зрелость (после 60-65 лет) — К. Крайг [3]. Поздняя зрелость подразделяется на следующие подгруппы: пожилой возраст, старческий возраст и долгожительство [6]. Вступление в этот этап развития начинается с момента выхода индивида на пенсию.

В описании возрастных периодов наблюдается присутствие двух терминов: «зрелость» и «зрелость». Может сформироваться мнение об их синонимичности. Однако это не так. Зрелость — многогранное понятие, которое обозначает развитие человека, характеристику его личности [4]. Категорию «зрелость» используют применительно к возрастной периодизации. Это понятие подразумевает овладение индивидом социальных ролей совершеннолетнего человека. К ним относятся: дееспособность и независимость от родителей, уголовная ответственность, заключение брачных союзов, участие в избирательных компаниях, приобретение и употребление алкогольных напитков, выезд за пределы

страны без соглашения родителей или законных представителей, управление различными видами транспорта, юноши становятся военнообязанными до 27 лет. Перечисленные функции по законодательству Республики Беларусь могут осуществлять лица, достигшие 18 лет. Однако качество и степень их выполнения у взрослого человека будет неидентичной. Таким образом, относительно возрастных классификаций целесообразно применять понятие «взрослость».

В указанных классификациях авторы не всегда придерживаются одной концепции (русла). Например, вначале упоминают о ранней — поздней взрослости, затем переходят к категориям «старость», «старческий возраст», «предпенсионный возраст», «долгожительство», т. е. складывается ощущение, что индивида в возрасте 60-70 лет не относят к взрослому человеку, выделяя, таким образом, особую категорию людей. Возможно, некоторые социальные роли совершеннолетнего человека для них становятся недоступными, однако и не все индивиды в возрасте от 18-40 лет их реализуют.

Следовательно, мы считаем, что наиболее приближена к действительности следующая возрастная периодизация: ранняя взрослость (18-21 — 40 лет), средняя взрослость (40 — 60-65 лет), поздняя взрослость (после 60-65). Именно она точно отображает влияние социальных и биологических факторов в эти периоды, что позволяет четко их разграничивать. Например, прекращение фертильности у женщин в связи с наступлением климактерического периода — средняя взрослость, предоставление пенсии в Республике Беларусь женщинам в 58 лет, мужчинам в 63 года — поздняя взрослость. В свою очередь, психологическая составляющая, как следствие соотношения биологических и социальных компонентов, предоставляет многообразие проявлений индивидуальных черт и моделей поведения.

Отметим, что личность проходит в своем развитии определенные этапы в связи с воздействием социальных ситуаций и задач, которые ставит общество [7]. Однако характер их реализации обусловлен конкретным индивидом. Рассмотрим подробно возрастные особенности средней и поздней взрослости под влиянием социальных факторов.

Средняя взрослость. В этот возрастной период профессиональная деятельность индивида продолжается как минимум 20-35 лет, его дети, как правило, достигли совершеннолетия, потребность в материальном благополучии удовлетворена, у него начинают проявляться первые признаки биологического старения. К ним относятся как внешние изменения (седые волосы, морщины, дряхлая и тонкая кожа, сутулость), так и снижение качества физиологических систем организма, как

следствие появляется ощущение усталости, потери физических сил, возрастает число различных заболеваний.

Некоторые представители средней взрослости болезненно переживают проявления у себя признаков старения, считая, что тем самым теряют свою физическую привлекательность.

Отметим, что человек может предпринимать ряд действий, чтобы компенсировать приближение старости. К ним относятся: обращение к услугам эстетической хирургии, озабоченность собственной внешностью, измены, активное потребление косметической продукции, повышенное внимание к членам своей семьи.

В целом у человека возникает основное противоречие, которое выражается в выборе между стабильностью и дальнейшим личностным развитием. Для женщин это, прежде всего, относится к семейной сфере и физической привлекательности. Для мужчин — к профессиональной деятельности, причем эмоциональное реагирование на данное противоречие у них проявляется более выражено, чем у женщин [8]. Необходимо отметить, что в процессе переживания кризиса у индивида происходит переосмысление ценностей, собственных достижений и мечтаний [9]. После разрешения противоречия возникает самодостаточность, самопринятие и личностная зрелость [10].

Поздняя взрослость. Наблюдаются следующие изменения в социальной и биологической сфере: прекращение профессиональной деятельности и выход на пенсию, отдаление от детей (они еще в большей степени, чем раньше становятся самодостаточными), освоение новой социальной роли: бабушки и дедушки, потеря супруга/супруги, усиление проявлений признаков старения. Несмотря на это, у человека сохраняется желание достигать поставленных целей, самореализовываться. Отметим, что когда индивид развивается и выполняет определенные занятия (трудовой функционал, забота о внуках, выращивание цветов, вязание — то, что позволяет ему реализовывать свой потенциал и видеть результаты своих трудов), он чувствует себя полноценным членом общества.

Основным противоречием в этот период является баланс между социальными обстоятельствами и собственными желаниями [6]. По мнению Э. Г. Эриксона, важным для пожилых людей становится осмысление прожитой жизни и понимание ее целесообразности [7].

В связи с влиянием перечисленных биологических и социальных факторов для представителей поздней взрослости характерно:

- изменение ценностей и их иерархии [11, 12];
- изменение самооценки, она может быть как высокой, так и очень низкой [13]. Как отмечает Т. З. Козлова, около 72% пенсионеров имеют

высокую и среднюю самооценку [12]. Тем временем, И. Г. Станиславская подчеркивает, что мнение людей этого возраста зависит от оценок окружающих [11];

— подведение итогов и погружение в себя [6];

— превалирование следующих потребностей: здоровье, межличностная коммуникация и материальное благополучие [14];

— после выхода на пенсию сохраняется связь с прежним видом деятельности, затем интересы сосредотачиваются преимущественно на бытовых темах. Далее важным становится собственное здоровье и удовлетворение витальных потребностей [15];

— субъективный возраст человек может как завышать, так и уменьшать. Сравнивают себя с индивидом с более низким социальным положением или состоянием здоровья, тем самым повышают собственную самооценку [16].

Перечисленные характеристики характерны не для всех представителей поздней зрелости.

Важным фактором, определяющим прохождение индивидом периода средней и поздней зрелости, являются социальные установки к старению. Транслируемая «картинка» старения становится ориентиром для собственного отношения человека к своему возрастному периоду и тем процессам, которые с ним происходят. Таким образом, неблагоприятная «картинка» старения и старости приводит к тому, что человек, вступая в период поздней зрелости (после 60-65 лет), не ассоциирует себя с этим возрастным периодом из-за нежелания соответствовать существующему образу. Он начинает стыдиться морщин, которые проявляются у него в период средней зрелости, седых волос, тяжело переживает выход на пенсию. В свою очередь это влияет на его самооценку и самовосприятие.

Выводы.

Прохождение периодов средней и поздней зрелости отличаются многообразием. Однако благополучным вариантом решения противоречий, возникающих на этих стадиях развития, является нахождение баланса между собственными предпочтениями и социальными ожиданиями. В особенности остро это проявляется в поздней зрелости. Представители указанной возрастной группы могут чувствовать в себе силы продолжать трудовую деятельность, делиться собственным опытом и идеями. Однако при достижении индивидом пенсионного возраста, работодатели имеют основание прекратить с ним трудовые отношения, тем самым исключая и социальной сферы.

Несомненно, линию собственного развития человек выбирает сам. Даже под действием неблагоприятных факторов он может продолжать

самореализоваться и добиваться желаемого. Может выбрать другой путь: жалеть себя, быть уверенным, что жизнь заканчивается, отдаляться от близких, чтобы не быть для них обузой. Тем самым он еще больше исключает себя из общественной жизни.

Тем не менее, индивидуальный путь развития человека основывается и определяется следующими факторами: экономический статус государства, сформировавшийся образ старения и категории поздней взрослости в обществе, объекты для социального сравнения, условия, которые предоставляются индивиду для его функционирования. В нашем исследовании мы делаем акцент именно на изучении социальных установок относительно старения в период средней и поздней взрослости.

Таким образом, чтобы у стареющего человека сохранилось желание и ресурсы внести вклад в общество, продолжать лично развиваться необходимы определенные действия со стороны социума. К ним относятся: предоставление пожилым больших возможностей для активного существования, трудовой деятельности, сохранение здоровья; изменение отношения к старению и точная операционализация понятия «старение», отражающая современные реалии.

Библиографические ссылки

1. Всемирный доклад о старении и здоровье / Всемирная организация здравоохранения, 2015.
2. Стрижицкая, О. Ю. Самодетерминация в период поздней взрослости и старения: теоретические подходы и проблемы / О.Ю. Стрижицкая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Педагогика. Социология. – 2013. – Вып. 4. – С. 118–127.
3. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 656 с.
4. Патурина, Н. П. Проблема зрелости в современной психологии / Н.П. Патурина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 7. – №17. – С. 113–126.
5. Кувшинова, О. А. Проблемы социального конструкта пожилого возраста /О.А. Кувшинова // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1. – С. 24–30.
6. Малкина-Пых, И. Г. Кризисы пожилого возраста / И. Г. Малкина-Пых. – Москва: ЭКСМО, 2005. – 368 с.
7. Эриксон Э. Г. Детство и общество / Э.Г. Эриксон. – Санкт-Петербург: Ленато; АСТ, Фонд Университетская книга. – 1996. – 592 с.

8. Чернобровкина, С. В. Гендерные особенности переживания и преодоления кризиса середины жизни /С.В. Чернобровкина // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2014. – № 2. – С. 30–42.
9. Брюхова, Н. Г. Психология развития и акмеологизация личности зрелого человека / Н.Г. Брюхова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2011. – №18. – С. 46–50.
10. Солдатова, Е. Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека / Е.Л. Солдатова :автореф. дис. ...д-ра психол. наук : 19.00.01. Екатеринбург, 2007. – 27 с.
11. Станиславская, И. Г. Я-концепция в пожилом возрасте / И.Г. Станиславская, Н.С. Селиверстова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – №10. – С. 212–216.
12. Козлова, Т. З. Самооценка пенсионеров / Т.З. Козлова // Социологические исследования. – 2003. – Т.№4. – С. 58–63.
13. Бороздина, Л. В. Самооценка в разных возрастных группах: от подростков до престарелых / Л.В. Бороздина, О.Н. Молчанова. – Москва: 2001. – ??? с.
14. Романычев, И. С. Пожилой человек в социальном государстве (к вопросу о феноменологическом подходе) / И.С. Романычев // European social science journal. – 2011. – №6. – С. 319–324.
15. Белоновская, О. В. Старение и старость как предмет психологического исследования / О.В. Белоновская // Горизонты зрелости: сборник Пятой всеросс. научн-практ. конф. по психологии развития, Москва, 16-18 нояб. 2015 г. / Моск. гос. психол. педаг. ун-т ;редкол.: Л. В. Обухова, И. В. Шаповаленко, М. А. Одинцова. – Москва. – 2015. – С. 533–536.
16. Мелёхин, А. И. Специфика социального познания в пожилом и старческом возрасте / А.И. Мелёхин, Е.А. Сергиенко // Социальная психология и общество. – 2015. – Т.6. – № 4. – С. 60–77.

AGE FEATURES AT REPRESENTATIVES OF MIDDLE AND LATE ADULTHOOD

K. I. Tatarko

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is a theoretical analysis of age characteristics of middle and late adulthood. Attention is also focused on individual scenarios of the passage of these periods by a person based on their characteristics. Considered age periodization. The article notes that with respect to age classifications it is expediently to apply the word of "adulthood", and not "maturity". The psychological characteristics of the period of the average (40 —60-65 years)

and late adulthood (after 60-65 years) are described in detail. In these stages comes biological aging. However, the most noticeable features of this process are manifested in late adulthood; therefore, social and psychological aging is primarily associated with this stage of human development. The individual chooses for himself the line of his own development, however, in order for a representative of late adulthood to have the desire and resources to contribute to society certain actions are necessary on the part of the society. These include: giving the elderly more opportunities for active living, working, maintaining health; changing attitudes towards aging and precise operationalization of the concept of "aging", reflecting modern realities.

Key words: age periodization; middle adulthood; late adulthood; aging; individual way of development.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКЗИСТЕНЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ

Е.И. Цюхай

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь эмоционального выгорания и экзистенциальной наполненности на выборке специалистов педагогической профессии. В исследовании использовались опросники «Профессиональное выгорание» и «Шкала экзистенции». В результате выявлено, что «выгорающие» педагоги достоверно чаще имеют дефицит исполненности. С позиций экзистенциального подхода дана интерпретация полученных связей между компонентами рассматриваемых феноменов. Обращается внимание на доминирование в структуре выгорания эмоционального истощения, которое связывается некоторыми учеными с недостаточной осмысленностью выполняемой деятельности. Отмечается сравнительно небольшой интерес исследователей именно к аспекту переживания специалистами подобного состояния. Предлагается рассматривать выгорание в качестве стимула к решению имеющихся экзистенциальных вопросов и более глубокому осмыслению деятельности, структура которого постигается в переживании.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; истощение; экзистенциальная исполненность; осмысленность; переживание; педагоги.

Несмотря на довольно продолжительное (более 20 лет) и пристальное внимание к проблеме эмоционального выгорания в отечественной психологии, однозначных ответов на вопросы о сути феномена, причинах развития, способах снижения или профилактики в литературе выявить, по-прежнему, не удастся. Стоит отметить, что многообразие приписываемых выгоранию симптомов (Н.Е. Водопьянова приводит их свыше 100) [1, с. 31], способствуют «размыванию» понимания сути феномена и принятию за выгорание иных состояний специалистов, хотя большинство ученых сходятся во взглядах на симптомы и преимущественную обусловленность профессиональной деятельностью человека.

Некоторые исследователи проблемы выгорания (К. Маслач, А. Лэнгле, Н.Е. Водопьянова, Н.В. Гришина и др.) обращают внимание на экзистенциальный аспект. По мнению А. Лэнгле, эмоциональное

выгорание есть «затяжное состояние истощения, возникающее в деятельности» [2, с. 5]. Как экзистенциальный психолог он объясняет, что истощение, доминирующее в картине выгорания, может быть обусловлено дефицитом экзистенциального смысла. В аспекте переживания у человека в ходе деятельности происходит соотнесение профессиональных ценностей, ожиданий и интересов с собственными духовными ориентирами. Ту степень, в которой действия и решения человека согласуются с внутренним миром, а собственная жизнь наполнена смыслом, отражает показатель экзистенциальной исполненности [3, с. 142]. Особенность переживания, проявляющуюся в состоянии усталости и истощения, как доминирующей составляющей выгорания, позволила А. Лэнгле обозначить эмоциональное выгорание как форму «экзистенциального вакуума», описываемого еще В. Франклом [4, с. 163]. Отражение отношений человека с миром (имеющимся контекстом) и есть смысл [5, с. 81]. Появление ощущения «вакуума» и бессмысленности выполняемой деятельности рано или поздно приводит человека к негативным состояниям и первоочередному «поиску смысла», на выполнение которого расходуется значительная часть личностных ресурсов.

Если опираться на мнение Р. Каразмана, который еще в 90-х годах напрямую связывал высокие значения истощения и деперсонализации с ощущением утраты смысла выполняемой работы [6], то наличие трудностей в обнаружении смысла «выгорающими» специалистами представляется вполне закономерным. При этом неоспоримо, что труд педагога имеет смысл и является общественно значимым. Но педагог на свое усмотрение обнаруживает в своей профессиональной деятельности смысл, выстраивая отношения с внешним миром [4], в том числе связывая с ней свои интересы, определяя для себя личную перспективу. Он не только придает значимость тому результату, который несет для общества обучение детей, но и пытается в этом отыскать, в чем же польза этой деятельности лично для него (удовлетворение, реализация, карьерный рост, заработок и т.д.), согласовать ее со своими интересами и установками. Результат этого поиска смысла отражается как на деятельности, так и на самом человеке, в его переживании ситуации и собственного состояния. Переживание при этом можно рассматривать как процесс соотнесения реальности и внутреннего мира специалиста [7, с. 42], в результате чего последний упорядочивается и наполняется смыслом [8, с. 171].

В проведенном в 2018 году исследовании приняли участие 201 педагог начальных классов общеобразовательных школ г. Минска (от 29 до 72 лет). В выборку вошли женщины с различным стажем и семейным положением.

Для оценки степени выгорания использовалась опросник «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (адаптация методики МВІ К. Маслач, С. Джексон), а для определения уровня осмысленности – «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, которая была адаптирована И.Н. Майниной, А.Ю. Васановым [9]. Обработка данных проводилась с помощью пакета SPSS. Для выявления взаимосвязи между эмоциональным выгоранием и показателем экзистенциальной исполненности был проведен корреляционный анализ результатов исследования по компонентам и интегральному показателю в целом с использованием коэффициента корреляции r -Пирсона.

В целом по выборке отмечена достаточно высокая степень сформированности выгорания у педагогов начальных классов: высокая и крайне высокая степень выявлена почти у 70 % педагогов (140 человек). Наибольший вклад в данный показатель внесли высокие значения эмоционального истощения и деперсонализации.

В группе педагогов с низким уровнем экзистенциальной исполненности отмечено среднее значение показателя выгорания выше, чем в группах с высоким и средним уровнем. У «выгорающих» педагогов чаще наблюдается неисполненная экзистенция, что предположительно связано с эмоциональной заикленностью на себе и неспособностью к диалогу [10, с. 114], вызванными попытками ухода от рефлексии собственных чувств, нерешительностью и дефицитом ответственности за собственную жизнь.

При анализе компонентов выгорания выявлено следующее:

- самые высокие показатели эмоционального истощения выявлены у педагогов с неисполненной экзистенцией ($M = 41,4$ при низком уровне исполненности против $M = 19,8$ при высоком уровне), объясняемые нами несовместимостью внешней объективной детерминации ситуации и ее субъективного восприятия, что приводит педагогов к конфликту, на разрешение которого требуется значительное количество психической энергии;

- аналогичная тенденция наблюдалась и с деперсонализацией ($M = 16,2$ при низком уровне исполненности против $M = 8,9$ при высоком уровне): педагоги вынуждены отрицать дефицит осмысленности

определенных ситуаций с целью снижения эмоционально травмирующих переживаний, тем самым отдаляясь от реальности;

- при высокой исполненности среднее значение редукации персональных достижений высокое ($M = 33,6$): у педагогов нет рассогласования между восприятием происходящей ситуации и аутентичными установками, что благоприятно сказывается на самооценке специалистов.

В таком случае накопленные эффекты выгорания на фоне неразрешенных экзистенциальных противоречий способствуют снижению уровня нервно-психической устойчивости, а низкая осмысленность деятельности – развитию эмоционального истощения.

Интерпретация результатов.

Полученную значимую отрицательную связь между *выгоранием* и *экзистенциальной исполненностью* полагаем возможным трактовать следующим образом. Когда педагог успешно разрешает возникающие у него экзистенциальные вопросы и в полной мере осмысливает выполняемую деятельность, он способен противостоять профессиональным стрессам. В противном случае ему приходится прикладывать значительные эмоциональные усилия, стремясь избежать рефлексии. Подобные усилия приводят к внутреннему дискомфорту человека наедине с самим собой. Он либо активно принимается за мнимые смыслы («суррогаты смысла» как их называл В. Франкл), старается работать больше и интенсивнее, чтобы занять свои мысли и действия, которые бы соответствовали его представлениям о ситуации, либо обесценивает выполняемую деятельность, считая ее временной, не вовлекаясь в нее сердцем. Оба варианта очень энергозатратны. В результате педагог страдает от истощения. Об этом же свидетельствует сильная отрицательная связь между *эмоциональным истощением* и показателем экзистенциальной исполненности.

Если рассматривать *деперсонализацию* как попытку «ухода от осознания проблемы», защиты от фактов, событий и людей, указывающих на неадекватность его действий аутентичным установкам и ценностям, то отрицательная связь между деперсонализацией и исполненностью можно интерпретировать как нежелание признавать имеющееся несоответствие. Сразу включаются вытеснение и рационализация, чтобы информация о реальной ситуации не могла достичь сознания; но они все равно не позволяют скрыть истинное положение дел, возникает внутреннее чувство отчуждения от себя, цинизм в отношениях с окружающими. В целом же,

чем больше противоречия между смыслом и содержанием самой работы и внешними факторами, тем выше вероятность выгорания.

Редукция персональных достижений особенно активно развивается при повторяющихся неудачных попытках заменить истинный смысл иллюзией. Ведь человек использует силу собственной воли, чтобы продолжать жить как раньше, а результат получается обратный. В ходе этого процесса снижается чувство собственного достоинства, его дополняют депрессивное настроение и ощущение безрезультатности своих действий. Многие педагоги остро переживают подобный внутриличностный конфликт. В таком случае, чем выше исполненность деятельности кажущимся смыслом, тем сильнее редукция персональных достижений специалиста.

Кроме того, чем сильнее эмоциональное истощение и деперсонализация, тем более затруднительно для педагога **самодистанцироваться**, взглянуть на ситуацию объективно, почувствовать, что является правильным с точки зрения его ценностей, и в целом понять себя.

Отрицательная связь между эмоциональным истощением и показателем **самотрансценденции** указывает на меньшие эмоциональные усилия, которые прикладывает педагог с внутренним согласием в отношении к своей деятельности. В то время как без соотнесенности с выполняемым делом возрастает психологическая «затратность» труда специалиста, который сам до конца не определился со своими желаниями и ценностями. Его жизнь наполнена переживаниями собственного состояния, а не значимости выполняемой деятельности.

Педагога, который ощущает личную включенность в деятельность, открыто принимает диктуемые профессией ценности, эмоционально не истощает создание и подпитывание собственных иллюзий. Об этом же свидетельствует отрицательная взаимосвязь фактора личности (**персональности**) с эмоциональным истощением ($r = -0,711; p \leq 0,01$).

Показатель **экзистенциальности** указывает на возможности педагога действовать в сложившейся ситуации, принимать свободные решения и нести за них ответственность, делая тем самым свою жизнь более аутентичной. Обратная связь экзистенциальности и истощения ($r = -0,667; p \leq 0,01$) показывает, что педагогами, не участвующими в выполняемой работе сердцем, движет скорее чувство долга. Это способно вызвать дополнительную душевную нагрузку, так как требования деятельности начинают восприниматься как завышенные.

В итоге получается, что педагог, постепенно утрачивающий жизненные ориентиры и осмысленность деятельности, в перспективе обнаружит у себя симптомы эмоционального выгорания. Искаженному восприятию ситуации и разногласию с аутентичными установками, а также неосуществимости свободных и ответственных действий сопутствуют высокие значения эмоционального истощения, деперсонализации и снижение самооценки у педагогов.

Выявленная в исследовании взаимосвязь не дает оснований предположить, что же является первичным: экзистенциальная исполненность или эмоциональное выгорание, которые, по всей видимости, взаимно обуславливают друг друга. Можно предположить, что, с одной стороны, роль эмоционального выгорания в экзистенции состоит в снижении интенсивности выполняемой педагогом деятельности с целью решения имеющихся экзистенциальных вопросов. С другой стороны, неисполненная экзистенция побуждает педагога к более пристальному анализу ситуации и стимулирует выработку определенного отношения к ней, развитие определенных состояний (выгорания в том числе). Таким образом, эмоциональное выгорание играет немаловажную роль в нахождении педагогом в собственной деятельности смысла, структуру которого он постигает в ходе переживаний.

Методический вопрос о характере связи выгорания и осмысленности представляет собой проблему, требующую разрешения. Для этого необходимо изучать проявления выгорания в ходе переживания человеком собственной деятельности. Актуальность обращения к проблеме выгорания обусловлена необходимостью психологического сопровождения педагогов, потому как в современном обществе порой прослеживается тенденция к вытеснению данной проблемы из профессиональной педагогической деятельности, а сами переживания, связанные с экзистенциальным аспектом выгорания, остаются за рамками исследований.

В ходе психологической работы обсуждение экзистенциальных аспектов с «выгорающими» педагогами мало распространено из-за придания подобным переживаниям глубоко личного характера. К тому же разговоры о переживаниях способны не только вызывать сильные эмоции, но и спровоцировать использование педагогом различных защит (рационализации и отрицания в первую очередь) по причине опасения открытия и возможной последующей критики части своего внутреннего мира. Однако это не повод для отказа работы с данным измерением. При уважительном и не критичном отношении к чувствам другого человека

переживания могут быть описаны и осмыслены. Более продуктивным было бы исследование экзистенции «выгорающих» людей не в привычной (количественной), а в иной форме познания, когда смысл переживаемого человеком будет идти изнутри, от них самих. Если исследователь готов отбросить свою точку зрения и взглянуть на ситуацию «глазами» педагога, понять смыслы, движущие педагогом в его деятельности. В таком случае становится возможным качественно иное понимание сути выгорания.

При использовании имеющихся методик по определению степени выгорания не учитывается достоверность ответов специалистов, заполняющих опросники. Исследование состояния профессионала в диалогической форме (интервью) способно удачно дополнить использование привычных методик, стать подспорьем в профилактике выгорания на уровне психологических служб учреждений образования, а также можно рассмотреть ее как альтернативный подход к изучению проблемы эмоционального выгорания специалистов. Ведь любой врач при постановке диагноза не ориентируется только на количественные результаты лабораторных анализов, а также собирает анамнез в ходе беседы с пациентом, для прояснения индивидуальных особенностей последнего. Только в этом случае становятся возможными адекватная диагностика и терапия.

Библиографические ссылки

1. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – Санкт-Петербург: Питер. – 2008. – 336 с.
2. Лэнгле, А. Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа / А. Лэнгле // Вопросы психологии. – 2008. – №2. – С.3–16.
3. Кривцова, С.В. Шкала экзистенции (Existenzskala) / С.В. Кривцова, А. Лэнгле, К. Орглер // Экзистенциальный анализ. – 2009. – №1. – С. 141–170.
4. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва: Прогресс, 1990. – 372 с.
5. Осин, Е.Н. Категория отчуждения в психологии образования: история и перспективы / Е.Н. Осин // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т.11, № 4. – С. 79–88.
6. Karazmann, R. Das Burnout-Syndrom. Phänomenologie, Verlauf, Vergleich. / R. Karazmann // Vortrag an der österreichischen van Swieten-Tagung vom. – 1994. – ??? p.
7. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. / Лэнгле А. – Харьков: Гуманитарный Центр. – 2017. – 284 с.

8. Гуссерль, Э. Избранные работы. / Э. Гуссерль. – Москва: Территория будущего. – 2005. – 464 с.

9. Майнина, И.Н. Стандартизация методики «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер / И.Н. Майнина, А.Ю. Васанов // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, №1. – С. 87–99.

10. Пергаменщик, Л.А. «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер для подростков: процесс и результаты адаптации. / Л.А. Пергаменщик, Н.Л. Пузыревич // Психологическая диагностика. – 2011. – №1. С. 95–119.

Благодарность.

Хочу поблагодарить своего научного руководителя *Леонида Абрамовича Пергаменщика*, который поддерживает мой интерес к теме переживания выгорания и чье отношение к психологии дает мне ориентиры в работе. Также огромный вклад в структурирование идей по исследованию данной проблемы, выносимых на обсуждение в научном психологическом кружке «Площадка диалогов», внесла руководитель кружка – *Галина Александровна Фофанова*. Благодаря ей и другим кружковцам наш взгляд на переживание выгорания стал более многогранным.

TO THE QUESTION ON THE RELATIONSHIP OF EXISTENCE AND EMOTIONAL BURNOUT OF TEACHERS

E. I. Tsukhay

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus

The relationship of burnout and existential fulfillment is examined in a sample of teachers. The study used questionnaires "Professional burnout" and "Existence scale". As a result, it was revealed that teachers with a high level of burnout have a deficit of fulfillment significantly more often. The interpretation of the relationships between the components of the phenomena under consideration is given from the standpoint of an existential approach. Attention is drawn to the dominance in the structure of burnout of emotional exhaustion, which is attributed by some scientists to the lack of meaningfulness of the activity. A relatively small interest in the aspect of experiencing a similar state by experts is noted in the literature. It is proposed to consider burnout as a stimulus to solve existing existential issues and a deeper detect meaning, which structure is comprehended in experience.

Keywords: emotional burnout; exhaustion; existential fulfillment; meaningfulness; experience; teachers.

УДК 159.99

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАБОЧЕЙ МОТИВАЦИИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ ПРОГРАММИСТОВ

Шутова Е.В.

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. В настоящее время в РБ IT-отрасль одна из быстро развивающихся сфер экономики. Программный продукт, выпускаемый данными IT-компаниями, достаточно конкурентоспособен на международном уровне. Решающим фактором конкурентоспособности любой организации является персонал. Усиление роли человеческого фактора на производстве заставляет обратить внимание на мотивацию персонала. Знание того, что человека мотивирует на появление идей и создание новых продуктов, позволяет выстроить систему управления персоналом для повышения результативности его труда в организации. Кроме того, следует учитывать не только уровень рабочей мотивации, но и степень удовлетворенности сотрудника своим трудом, так как неудовлетворенность ведет к разладу отношений с коллегами и руководством, а так же снижает продуктивность его работы.

Ключевые слова: рабочая мотивация, удовлетворенность трудом, мотивация программистов

Рабочая мотивация является одной из основных проблемных областей как отечественной, так и зарубежной психологии. Под рабочей мотивацией понимают внутреннюю мотивацию человека, побуждающую его к работе, основанную на её привлекательности, интересе и приводящую к ряду благоприятных как для личности, так и для работы в целом, результатов [5]. Так Р. Хакман и Г. Олдхем выделили 5 ядерных характеристик работы, которые поддерживают рабочую мотивацию: разнообразие профессиональных навыков, значимость и завершенность задания, автономия и обратная связь [9].

В настоящее время важно установление закономерностей побудительных сил человека к деятельности, с целью предсказания и управления поведением в целом. При рассмотрении различных теорий мотивации (Ф. Тейлора, К. Альдерфера, Ф. Херцберга, Е. П. Ильина и др.) все факторы, которые они выделяют можно поделить на материальные (заработная плата, льготы, страховка, премии, штрафы и т.д.) и нематериальные (признание, уважение, автономия, наделение

ответственностью, карьерный рост) [5]. Однако, чтобы действительно удачно стимулировать сотрудника, необходимо использовать оба фактора, т.к. для каждого человека приоритетными являются свои определенные факторы.

Кроме того следует учитывать и степень удовлетворенности сотрудника своим трудом, она так же как и рабочая мотивация влияет на поведение и деятельность сотрудника в организации. Неудовлетворенность сотрудника своим трудом ведет к разладу отношений с коллегами и руководством, а так же снижает продуктивность его работы. Под удовлетворенностью трудом понимают общую аффективную реакцию человека к работе и к различным её характеристикам. К таким как: заработная плата, продвижение, руководство, дополнительные льготы и выплаты, зависящие вознаграждения, условия выполнения, коллеги, характер работы и информирование [6; 7].

В настоящий момент высококвалифицированные специалисты в IT-сфере имеют возможность постоянно повышать свой профессиональный уровень, овладевать новыми знаниями и становятся при этом незаменимыми в своей компании. Опасаясь, что такие специалисты покинут компанию, руководители предпринимают множество усилий в поиске средств и путей их мотивирования. Значительной проблемой является то, что большинство руководителей считают, что единственный способ мотивации программистов – материальное стимулирование. Однако изучая возможность повышения мотивации труда программистов необходимо первоначально рассмотреть особенности их профессиональной деятельности, что поможет в реализации индивидуального подхода и возможности разработки приёмов мотивирования – как материальных, так и нематериальных. Следует отметить, что сфера программирования является довольно специфичной, это связано с тем, что она объединяет в себе как точную науку, так и необходимость в творческом подходе с креативным мышлением.

Так Дж. Голланд считал, что деятельность программиста является творческой, в ней содержится анализ ситуации и продукта, контроль и планирование. Поэтому программисты обладают такими качествами как эрудиция, оригинальность мышления, аналитический склад ума, стремление к развитию и обучению. Такой специалист может работать как в коллективе, так и самостоятельно, независимо принимая решения в

рамках требований, предъявляемых заказчиком к характеристикам продукта [4].

Сотрудники IT-сферы обладают различными знаниями и умениями, именно поэтому А. В. Хахалин большое внимание уделял нематериальным способам стимулирования и выделил потребности, наиболее актуальные для программистов: потребность в творчестве, признании, профессиональном росте и обучении, общении и высокотехнологичном инструментари [4; 8]. Он считал, что люди обладающие потребностями в признании и творчестве, зачастую ощущают себя мотивированными на работу, т.к. творчество способствует реализации потребности в признании.

Таким образом, приоритетными особенностями для программистов являются присутствие в их работе творческого процесса, что создает интерес к самой работе, возможность работать как в коллективе, так и одному, самостоятельно принимать решения и т.д. [1; 2]. Именно поэтому, для программистов большое значение приобретают не только материальные факторы, что связано с тем, что для большинства из них программирование является как работой, так и хобби.

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются: 1) теория характеристик работы Р. Хакмана и Г. Олдхема, в основе которой они выделили пять ядерных характеристик работы: разнообразие профессиональных навыков, значимость задания и завершенность задания, автономия и обратная связь. 2) представления П. Е. Спектора об удовлетворенности работой и её составляющих: зарплата, продвижение, руководство, дополнительные льготы и выплаты, зависимые вознаграждения, условия выполнения, коллеги, характер работы и информирование. В качестве **методик исследования** были использованы опросник «Диагностика рабочей мотивации», разработанная Р. Хакманом и Г. Олдхемом, адаптированная И. Н. Бондаренко, который направлен на выявление ядерных характеристик профессионального задания и уровня рабочей мотивации [3]. А также «Опросник удовлетворенности работой», разработанный П. Е. Спектором, направленный на выявление общей удовлетворенности сотрудников своей работой и её отдельными аспектами [10]. В исследовании принимало участие 63 программиста различных специальностей (13 человек (21%) – веб-дизайнер UI-UX; 13 человек (21%) – QA-тестировщик; 12 человек (18%) – техник-программист; 25 человек (40%) – разработчик). Возраст респондентов составил от 20 до 39 лет. В исследовании принимали участие 37 представителей мужского пола и 26 представителя женского пола.

Результаты исследования и их интерпретация.

Для программистов характерно преобладание среднего уровня рабочей мотивации, как по общему индексу, так и основным ядерным характеристикам мотивации. При данном уровне рабочей мотивации сотруднику свойственно испытывать позитивные эмоции от выполнения своих обязанностей, без волевого принуждения к продолжению работы, это можно объяснить профессиональными особенностями профессии программиста – интерес к работе, возможность включать творческих подход к работе. Однако причина снижения эффективности и производительности труда может быть связана с особенностями организации профессиональной деятельности. В результате проведенного исследования были выявлены различия по стажу работы, которые имеют циклический характер, в зависимости от овладения новыми знаниями, так в первые три года работы в IT-сфере, рабочая мотивация ниже, чем у работников со стажем работы до пяти лет. Так же были выявлены различия уровня рабочей мотивации у представителей разных специальностей, наиболее высоким уровнем обладают разработчики программ, низким уровнем – техники-программисты.

Так же для программистов характерна удовлетворенность работой, как отдельными её аспектами, так и общей оценкой своей работы. В первую очередь на степень удовлетворенности работой существенное влияние оказывает удовлетворение нематериальными факторами. Однако, не смотря на общие показатели удовлетворенности работой, были выявлены гендерные различия – у женщин степень удовлетворенности условиями труда ниже, чем у мужчин, вследствие их большей требовательности. Были выявлены различия удовлетворенности трудом в зависимости от стажа работы, так в первые три года работы в данной сфере, удовлетворенность трудом ниже, чем у сотрудников с более высоким стажем работы. Однако в связи с тем, что удовлетворенность трудом не может расти постоянно, ожидается спад при стаже работы около десяти лет. Были выявлены различия удовлетворенности трудом у представителей разных специальностей, так наиболее высоким уровнем обладают разработчики программ, вследствие их творческой и разнообразной работой, нежели представителей веб-дизайнеров творческая работа которых находится в определенных рамках.

В результате проведенного корреляционного исследования была выявлена статистически значимая положительная связь между общим уровнем удовлетворенности работой и индексом мотивационного

потенциала ($r=0,43$, $p<0,00$), это говорит о взаимосвязи рабочей мотивации и уровнем удовлетворенности работой. Что связано с тем, что если работа приносит сотруднику удовлетворение, ему интересен процесс и результаты труда, тогда он будет мотивирован на выполнение своей работы качественно и в срок, чтобы не потерять её.

Были обнаружены так же связи между отдельными характеристиками рабочей мотивации и удовлетворенности трудом. Так разнообразие профессиональных навыков имеет значимые, положительные, слабые связи с удовлетворенностью зависимыми вознаграждениями ($r=0,404$, $p<0,00$), т.е. чем больше сотрудник применяет свои навыки, тем выше его поощрения за проделанную работу. Так же значимые, положительные, слабые связи были установлены с удовлетворенностью условиями выполнения работы ($r=0,404$, $p<0,00$) – чем лучше техническая оснащенность, тем больше сотрудник сможет продемонстрировать и овладеть разными навыками. Разнообразие профессиональных навыков имеет значимые, положительные, слабые связи с удовлетворенностью коллегами ($r=0,387$, $p<0,00$), это можно объяснить тем, что чем разнообразнее у сотрудника навыки, которыми он владеет, тем лучше у него взаимоотношения с коллегами, вследствие того, что перенимают друг у друга опыт. Значимая, положительная, средняя связь была установлена с удовлетворенностью характером работы ($r=0,538$, $p<0,00$) – чем больше сотруднику нравится то, чем он занимается, тем разнообразнее навыки он будет применять и учиться новому. Можно сделать вывод, что на разнообразие профессиональных навыков при выполнении работы большое влияние оказывают удовлетворенность нематериальными факторами. Наибольшая статистически значимая связь была выявлена между шкалами «Разнообразие профессиональных навыков» и «Характер работы», это показывает, что если сотрудник удовлетворён сферой, в которой он работает, то он стремится приложить больше своих умений, навыков, знаний, а так же при их нехватке расширять сферу навыков для выполнения работы.

Характеристика «значимость задания» так же обладает значимыми, положительными, слабыми связями с удовлетворенностью заработной платой ($r=0,272$, $p<0,01$) и зависимыми вознаграждениями ($r=0,336$, $p<0,00$) – чем более ответственное и значимое задание выполняет сотрудник, тем выше заработная плата и его вознаграждения. Значимые, положительные, слабые связи были установлены с удовлетворенностью продвижением ($r=0,272$, $p<0,05$), так сотрудник при эффективном выполнении более

сложных заданий продвигается по карьерной лестнице вверх. Так же значимая, положительная, слабая связь была установлена с удовлетворенностью условиями выполнения ($r=0,368$, $p<0,00$), т.е. чем лучше техническая оснащенность предоставляемая организацией, тем чаще сотрудник будет брать себе значимые задания. Значимые, положительные, слабые связи были выявлены с удовлетворенностью коллегами ($r=0,315$, $p<0,05$), так чем более ответственные задания берет на себя сотрудник, тем больше его уважают коллеги. Можно сделать вывод, что чем важнее сотрудник считает свою профессиональную деятельность, тем больше он видит положительной обратной связи от организации, в виде материального поощрения.

Статистически значимый, положительный, слабый уровень корреляции был выявлен между автономией и удовлетворенностью информированием ($r=0,447$, $p<0,00$). Таким образом, чем выше уровень свободы и независимости в решении профессиональных задач, тем больше сотрудник удовлетворен информацией о конечном продукте своей работы.

Обратная связь от работы так же обладает значимыми, положительными, слабыми связями с удовлетворенностью зависимыми вознаграждениями ($r=0,355$, $p<0,00$), а также условиями выполнения ($r=0,326$, $p<0,00$) и характером работы ($r=0,357$, $p<0,00$). Обратная связь складывается из наличия вознаграждений и информации о том, как сотрудник справляется с работой, условиями, в которых он работает и самой работы, т.е. чем лучше сотрудник работает, тем выше эти показатели. Так же была выявлена значимая, положительная, слабая связь с удовлетворенностью коллегами ($r=0,249$, $p<0,05$), так обратная связь об эффективности работы, может поступать и от коллег. Можно сделать вывод, что на обратную связь от работы влияют удовлетворенность как материальными, так и нематериальными факторами.

Между завершенностью профессиональных заданий и удовлетворенностью работой не было выявлено статистически значимых корреляций. Это можно объяснить тем, что завершение сотрудником задания полностью, никак не повлияет на его оценку удовлетворенности различными аспектами работы.

По результатам исследования можно сделать вывод, что чем выше мотивация к работе, тем выше уровень удовлетворенности работой. Полученные результаты могут быть использованы руководителями, а также быть полезными для HR-специалистов для разработки системы повышения мотивации, с помощью которой может быть сохранен

высококвалифицированный персонал в компании, тем самым повысится конкурентоспособность организации.

Библиографические ссылки

1. Абельская, Р. Ш. Теория и практика делового общения для IT-направления / Р. Ш. Абельская. – Москва: Юрайт, 2018 – 112 с.
2. Баженов, С. В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности специалистов сферы информационных технологий / С. В. Баженов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т. 4, № 2. – С. 341–346.
3. Бондаренко, И. Н. Адаптация опросника «Диагностика рабочей мотивации» Р. Хакмана и Г. Олдхэма на русскоязычной выборке / И. Н. Бондаренко // Психологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 109–124.
4. Верещагина, Л.А. Доминирующие потребности и профессиональные мотивы специалистов в сфере информационных технологий / Л.А. Верещагина, В.Е. Погребницкая, А.В. Чугаева // Петербургский психологический журнал – 2014. – № 7. – С. 1–30.
5. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2002 – 512 с.
6. Патрушев, В. Д. Удовлетворенность трудом: социально-экономические аспекты / В. Д. Патрушев – Москва: Наука, 1993. – 113 с.
7. Розенштиль, Л. фон. Трудовая мотивация и удовлетворенность трудом / Л. фон Розенштиль, В. Мольт, Б. Рюттингер // Организационная психология. – Харьков, 2014. – С. 266–320.
8. Хахалин, А. В. Нематериальная мотивация ИТ-персонала / А. В. Хахалин // Управление персоналом. – 2005. – № 6. – С. 21–25.
9. Hackman, R. Development of the Job Diagnostic Survey / R. Hackman, G. R. Oldham // Journal of Applied Psychol. – 1975. – Vol. 60, № 2. – P. 159–170.
10. Spector, P. E. Measurement of human service staff satisfaction: Development of the Job Satisfaction Survey / P. E. Spector // American Journal of Community Psychology. – 1985. – Vol. 13, № 6. – P. 693–713.

THE RELATIONSHIP OF WORK MOTIVATION AND JOB SATISFACTION OF PROGRAMMERS

Shutova E.V.

Belarusian State University, Nezavisimosti Avenue, 4, Minsk 220030, Belarus

Abstract. At present, the IT-industry of Belarus is one of the fastest growing sectors of the economy. The software product produced by these IT-companies is quite competitive at the international level. The staff is a decisive factor in the competitiveness of any

organization. Strengthening the role of the human factor in the production draws attention to personnel motivation. The knowledge that motivates a person to the emergence of ideas and the creation of new products, allows you to build a system of personnel management to increase the effectiveness of his work in the organization. In addition, it is necessary to take into account not only the level of work motivation, but also the degree of employee satisfaction with their work, since dissatisfaction leads to a breakdown in relations with colleagues and management, as well as reduces the productivity of his work.

Key words: work motivation, job satisfaction, programmer's motivation